КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

925 г. ОКТЯБРЬ № 10

ЛЕНИНГРАД

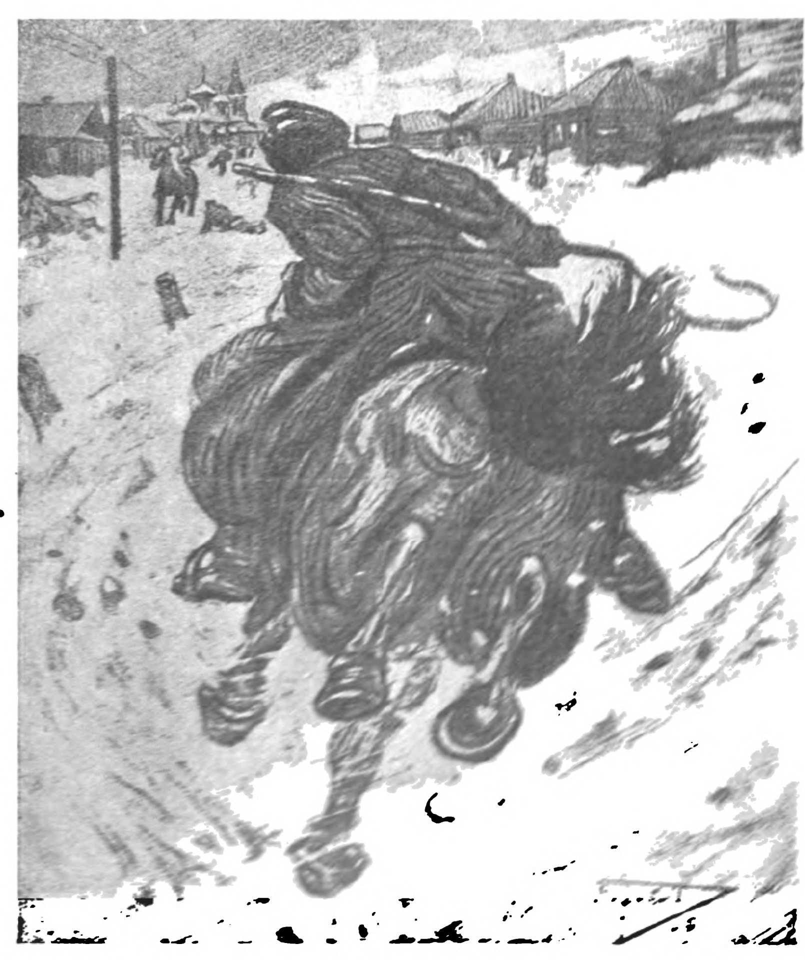
РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

№ 10 четвертый год издания 1925

Перепечатки разрешаются только при условии точного указания источника

1905 год

[illegible] [illegible]

Отрывок из повести АРОСЕВА.

I

Недалеко от того озера, в Суконной слободе[1] в покосившейся избушке Платона спросила девушка, среднего роста, слегка рыжеватая, с пробором посредине головы:

— Вы, товарищ, согласитесь стоять на улице и сделать знак, когда покажется карета?

— Я бы хотел взять на себя более ответственную задачу — ответил Платон, покосившись на три желтых пакета, которые виднелись с верхней полки старинного почерневшего шкафа.

— Нет — ответила почти командным тоном девушка и, указав пальцем на пакеты, пояснила — с бомбами пойдет другой товарищ.

Платон еще раз покосился на старинный шкаф, на его запыленные стекла. Вдохнул от шкафа в последний раз затхлый запах деревянного масла и вышел.

И утром сделал все что обещал, т.-е. стоял и ждал губернаторской кареты.

Она должна была мимо городской думы проехать.

Платон стоял в ста шагах от думы и рассматривал витрину магазина. Наискосок его, на площади, прогуливалась девушка, что была на конспиративной квартире с бомбами. Она изображала туристку и, читая какой-то путеводитель, все смотрела на памятник Александра II, особенно на бронзовые ноги Александра в сапогах с квадратной подошвой.

Ах, если бы Александр был живой: он соскочил бы с пьедестала и побежал бы в полицию заявить, что с его губернатором хотят сделать то же, что сделали с ним.

Платону было любопытно, кто же и откуда будет бросать бомбы.

Карета, показавшаяся вдали грязной улицы, прервала его размышления.

Платон вздрогнул и в душе его вдруг выскочил вопрос:

— За что?

И тут же вспомнил Платон, как объясняла девушка:

— За то, что усмирял и порол крестьян в Спасском уезде.

В это время раздался вдруг оглушительный звук. Из окружающих домов посыпались стекла мелким дождем на каменную мостовую. Платон инстинктивно рванулся к тому месту, откуда послышался взрыв, но тут же перед ним вырос, как из-под земли, околоточный надзиратель, который, наводя дуло револьвера на почти пустую улицу, через

---

[1] У Пушкина, в „Истории Пугачевского бунта" сказано: суконщики — люди разного звания, а большей частью кулачные бойцы.

голову Платона кричал диким голосом неизвестно кому:

— Руки вверх!

Платон вскинул руки вверх и старался держать их так, чтоб околоточный надзиратель видел их ладони.

Вслед за околоточным бежал пожилой человек в гороховом пальто, который гневно топал ногами о мостовую и кричал:

— Вот здесь они были... сейчас... вот здесь... Двое, двое, как провалились...

Платон, видя что околоточный побежал почему-то в глубину какого-то двора, где были сараи, погреба и помойная яма, юркнул в другой двор. С разных сторон бежали люди. Посреди мостовой стоял высокий, со шпагой, человек—полицмейстер, а перед ним губернатор, который носовым платком придерживал окровавленную щеку. Неподалеку от них лежала разорванная карета и лошадь с вывернутыми внутренностями. Полицмейстер держал под козырек и уже кажется в пятый раз поздравлял губернатора с чудесным избавлением от смерти.

А губернатор — человек с бритым, немного больным лицом, благодарил полицмейстера неизвестно за что, кажется за поздравления, и все еще сомневался, жив ли он или нет.

Когда полицмейстеру поздравлять надоело, он сказал:

— Злоумышленники...

— Задержаны — закончил губернатор, не зная хорошенько, сам ли он это сказал или услышал от полицмейстера.

— Так точно,—подтвердил полицеймейстер.

Он взял губернатора под руку, подсадил в свою двуколку — полицмейстер любитель лошадей и, сам похожий на лошадь, всегда сам правил — и увез его в губернаторский дворец.

Городовые, конные и пешие, начали оцеплять местность. Околоточные кричали направо и налево.

— Руки вверх!.. — и искали злоумышленников по соседним дворам, в лавках, сараях, за заборами, под заборами. Поисками руководил пожилой человек в гороховом пальто, который все еще бешено пританцовывал ногами, доказывая тем, что он злоумышленников только что видел, что один из них был в черной накидке и студенческой фуражке, другой в шляпе.

Платон выпрыгнул из двора и вместе с народом побежал к площади, которую оцепляли городовые. Толпа оттеснила его к памятнику Александра II. Недалеко от пьедестала памятника на мостовой, за цепью полицейских, лежала неразорвавшаяся бомба в цветном пакете,— первая, брошенная неудачно. Среди народа, теснившегося около цепи городовых, Платон увидел и девушку. Она тоже большими, остановившимися глазами смотрела на желтый пакет.

И от пакета желтого, похожего на цвет волос девушки, вдруг пахнуло на Платона знакомым запахом старого, рассохшегося темного шкафа в Суконной слободе. Такой особенный запах—русской богадельни.

Он стал протискиваться, чтобы выйти из толпы. Девушка, увидев его, тайком схватила за руку. Он вырвал свою руку и пошел прочь.

Платон уже потом узнал, что полицмейстер получил отставку за то, что злоумышленников не задержал. А губернатор выздоровел и стал в другой губернии генерал-губернатором.

Рано утром шел хороший летний дождь; капало отовсюду: с неба, с крыш с труб, с фонарей.

— Начались аресты. Кто-то проваливает. Мы должны быть осторожны и прекратить на время всякую работу— быстро сказала девушка с широким лицом, поспешно входя к Платону.

Только тут Платон вдруг узнал в этой девушке ту, которая беседовала с ним в лодке на маевке, которая думала, что японцы — это дрессированные обезьяны. Платон вспомнил, что зовут эту девушку Соней.

Соня как-то очень таинственно закрыла за собой дверь. Этот жест показался Платону смешным.

— Больше того, по-моему надо уехать в другой город и заняться хоть немного пропагандистской кружковой работой.

Тон, которым Соня произносила слова был какой-то разноцветный: смесь тона добровольной наставницы с тоном простенькой вопрошательницы.

И оттого, что своим неожиданным появлением и своим лицом Соня хотела подчеркнуть высокое значение того, что она сейчас сообщает, Платон воспринял это, как нечто почти ненужное. Ему показалось, что и пришла-то к нему Соня зря и что даже существует-то она на свете зря.

Платон смотрел на широкое русское лицо Сони: белая кожа, веснушки, темные глаза. Лицо русское, просто как изба. И чего-то в ней томительно недостает. Не лицо, а календарь настенный: всякая цифирка — черта на месте. По лицу Сони, как по календарю, видно, что пройдут года, а такие, как она, будут снова и снова рождаться, будут жить, беспокоиться немного с пользой, немного понапрасну. Такие люди, ненужные в отдельности, составляют массу людскую, ту среду, которая необходима для активных особей так же, как клеточки протоплазмы для ядра.

— Вы, помните, учили меня быть конспиративным — сказал спокойно Платон.

— И что же?

— Да то, что пришли ко мне.

— Не понимаю.

— Ну да, ведь вы, вероятно, шпиков за собой привели.

— И верно. Простите. Но предупредить вас было моим долгом.

Положив руки в карманы, Платон повернулся на каблуках.

— Да, но беда в том, что весь этот долг написан на вашем... вашем... на вашем лице.

— То-есть?

— Ваше лицо всегда вас выдает.

Зарделась Соня. И не знала, что ответить. Шагнула вперед, шагнула назад. Слегка отвернулась, протянула руку.

— До свидания, коли так.

Весь сок исчез из слов Сони. Слова ее начали спадать с уст, как поблекшие осенние листья.

— Вы бежите куда-нибудь? — спросил ее Платон.

— Да, я сегодня же уезжаю. А вы?

— А я остаюсь.

Кажется, что-то еще хотела сказать Соня. Кажется, понимание чего-то другого, чем бомбы и конспирация, зарождалось в ней.

А Платон смотрел на нее острыми, немного усталыми глазами своими и думал, что Соня не живет индивидуально, что она восходит и нисходит в своих действиях вместе со средой, в которой находится. Не от этого ли в ней, в самой Соне, как в человеке отдельном, чего-то томительно недостает.

Так иногда войдешь в избу, смотришь: углы, бревна, скамья, стол и печь, как звероподобный идол с разверстым черным хайлом. Все есть в избе. Все так, как надо в избе, и в то же время чего-то, чего-то не хватает или что-то что-то не на месте.

Едва вышла Соня из калитки, как заметила, что на той стороне улицы, по тротуару, прогуливается рыжий человек в котелке по самые уши. Словно ведро на голове. Соня оглянулась раз и два. Голова в ведре прогуливалась все на том же месте. Значит, не за ней, за Платоном следит.

От всего пережитого в это утро, Соня испытывала приятное волнение.

Соня чувствовала только легкое огорчение от холодности и грубоватости Платона. Как-то он странно отозвался об ее лице. Впрочем... Базаров, Рахматов, Марк Волохов, „они“ — нарочно, они скрывали свою душу, заколачивали вход в нее грубыми словами. И Платон такой же. „Они“, герои, вообще все, да со странностями. Соня твердо знала это по романам, по сказкам, где героем был всегда какой-нибудь „дурачок“, а в действительности оказывался умницей.

Платон, оставшись один, обрадовался своей свободе. Ему вдруг стало непонятно, почему он сейчас здесь, в этой комнате, у какой-то тетки старухи. И почему он должен непременно постигать дисциплину речного училища. Почему вообще надо куда-то готовиться. Разве то, к чему он готовился, будет настоящая жизнь, а теперь что-то временное, вроде вокзала... Жизнь—он теперь начинал понимать от товарищей и из книг—просто обмен веществ. Но ведь он и теперь дышит, спит, ест, ходит, думает. Почему же это не настоящее?

Вопросы раскрывались перед ним один за другим, как двери из душной обязательности к простой жизненной свободе

Платону представлялось теперь таким простым — взять и уйти. Уйти не куда-нибудь определенно, а как в сказке: куда глаза глядят. В его теперешнем положении это было едва ли не самым остроумным, чтоб миновать шпиков и арест. От этого особенное ощущение свободы, которое сейчас проникло все его существо,—становилось еще привлекательнее. Он снял со стены фуражку, вывернул из нее герб речного училища и вышел из дома вон.

Старушка-тетка крикнула ему из окна:

— Касатик, погоди, хоть чайку-то попей!

— Спасибо, я еще приду... тогда... до свидания!

И пошел вглубь кривой и грязной улицы.

Сегодня для него утро было совсем необыкновенное. Это случается только раз, когда юность вдруг брызнет фонтаном. И бывает это неожиданно, когда-нибудь: вечером на закате, или утром, или в золотой кудрявый полдень..

По улице, где шел Платон, сбоку, слева, тянулся бесконечно длинный забор. За этим забором не было ни пруда, ни сада, но Платому казалось, что там склоняются липы, весенняя белая черемуха в цвету засматривает и дышет в лицо.

Спустился к пристани.

Безбилетным и беззаботным бродягой устроился он на корме большого парохода, не спрашивая, куда отправится пароход. Хорошо будет. Днем будет слушать Платон, как под кормой поет убегающая волна, а по ночам, когда начнет подыматься сырой холодок, Платон заложит рукав в рукав и будет греть спину у грохочущей машины. А машина будет равномерно охать, обливаясь маслом, как потом.

II

К одинокой избушке, в лесу, за Камой подъехал взадник. Сойдя с лошади, он привязал ее к дереву и, прежде чем постучать в избу, заглянул в одно и потом во второе окно. Вынул из кармана кастет и стукнул им четко два раза в дверь. Минуту спустя дверь открылась и на пороге показалась старуха, сухая, сгорбленная, с желтым лицом и крючковатым носом.

Сначала она перекрестилась, глядя в небо, а потом поклонилась всаднику.

— Все готово? — спросил всадник, ответив поклоном на поклон старухи.

Прежде чем ответить, старуха пропустила его в избу и заперла ее. Изба была тесная, закоптелая, но воздух в ней был весь насыщен запахом сосны.

Вместо ответа, старуха показала всаднику на стол, где лежала небольшая стопа бумаг.

— Хорошо—одобрил всадник— завтра к вечеру придет к тебе один человек. Он проживет у тебя три дня. Все эти бумаги передай ему. Не забудь его спросить, от кого он. И ежели скажет от „Ворона", то пускай. Слышь: — от „Ворона".

— „Ворон"? — переспросила старуха.

— „Ворон" — повторил всадник,— т.-е. от меня. Слыхала, может, как пойманный Пугачев отвечал: „Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает". Вот и прилетел.

— Чайку-то?

— Нет, старуха, спасибо. Обойдется дело без чая.

Всадник вышел к лошади. Старуха его провожала.

— Постой-ка — сказал всадник — надо попробовать.

Он вынул маузер, немного прошел, нацелился в высокую сосну и выстрелил. Потом подбежал, посмотрел ранку в стволе и заключил: „Ничего, хорошо берет".

— Прощай, Горбачиха!

— Прощай, „Ворон"!

„Ворон" ловко вскочил на седло и неторопливой рысью стал пробираться по лесной тропинке.

Наступал вечер. Вокруг каждой сосны пеленой обвивалась тьма. Кустарники шептались о чем-то. Они казались волками. Болота возносили в воздух свою земную сырость. И далеко где-то кукушка считала, сколько лет осталось жить всаднику.

Всадник ехал на-встречу луне, которая только-что всходила, виновато заглядывая в лесную чащу сквозь высокие сосны.

То, что будет завтра, его бодрило.

И кроме завтра он ничего не хотел видеть.

Завтра Платон вместе с другими совершит экспроприацию. Проявит ловкость, великодушие, революционную выдержку и энергию. Завтра он посмеется над страхом людей, которые будут в нем, в его лице, видеть выглянувшую из-за голубых дней смерть, подобно тому, как вот сейчас луна выглядывает из-за деревьев.

И дальше, дальше завтра, всадник ничего не видел, потому, что он весь без остатка был в этом завтра. Будто и на свет родился для одного этого дня.

— Синьор, извольте остановить пароход.

Проехав густой лес, он очутился в мелком кустарнике. Это признак того, что совсем близко река. Слегка тронул живот лошади кончиком стремени, и рыжий иноходец, смело ударяя копытами о земь, ускорял свой бег. И скоро к самой реке поднес всадника.

Широкая Кама, как полоса стальная, расстилалась под луной. И почему-то показалось Платону, что на той стороне, луговой и холмистой, — там за дальним холмом, кто-то с земли воздел молитвенно руки к луне. Кто-то молился там лунному лику, равнодушному ко всему, как настоящий бог. Там эти руки были воздеты по-настоящему, что всадник сразу осадил коня и застыл на месте. Только тут понял он, что это виднелись две трубы большого Мотовилихинского завода.

И все же, хотя это и были вдалеке кирпичные трубы, а не руки, луна похожа была на калмыцкого жестяного бога.

Это предрассудок, впрочем. Совсем зря человек, настоящий человек, ночью настраивается на таинственный лад. Это ведь остатки дикости. Это зря. Гораздо лучше рассчитать, сколько же верст осталось проехать, чтоб завтра к утру не опоздать на пристань к отходу парохода.

По этим трубам и стал высчитывать всадник. Трубы были за вторым поворотом реки. А от труб до города — рукой подать — доскачу мигом. Всадник ощупал свои два кармана, где покоились два маузера. Взглянул еще раз на луну калмыцкого бога. Мотнул головой—словно невольно попрощался с ним. Опять пришпорил иноходца и поскакал вдоль песчаного берега тихой, широкой реки, расстилающейся под медно-зеленым светом луны.

Всадник скакал на-встречу хорошо известному завтра. Настолько известному, что все оно расписано у него было в записной книжке.

Он очень твердо знал, что́, и ка́к он будет делать завтра. И поэтому оно вовсе было не завтра, а скорее вчера, но только вчера не наступившее.

Это вчерашнее завтра наступало на небе румяными полосами, прогнавшими калмыцкого бога-луну.

Утром, когда от пристани отъехал белый пароход, Платон поднялся на капитанский мостик. На мгновение он был ослеплен небесной синевой и белизной палубы. Толстый, с простоватым и рябоватым лицом, капитан в белом кителе сидел на складном стуле около штурвальной рубки и жмурился от солнца. Вошедший на мостик молодой человек, худощавый, серолицый, с бесцветными глазами, подошел быстрыми шагами к капитану, выхватил из кармана брюк маузер, навел его в лицо капитана и сказал, играя своей властью:

— Синьор, извольте остановить пароход.

Капитан словно увяз своим сиденьем в стуле, он туловищем двинулся было вправо, потом влево, но не мог: словно смолой прилепило.

— Синьор, я больше не повторю своей просьбы.

Капитан встал, и, как на ходулях, не сгибая колени, направился к рупору.

Едва он заговорил с машинистом, как оказалось, что и около машиниста стоит человек с револьвером у виска. У дежурного матроса, у помощника капитана, у пасссажиров на корме, у пассажиров на носу парохода, у пассажиров в общей каюте первого класса, второго класса, стояли молодые люди с револьверами и с требованием не двигаться с места.

Одна дама свалилась на диван в обмороке; ее отпаивали. Какой-то офицер стал вытаскивать и отсчитывать все свои деньги. Молодая барышня предлагала молодым людям с револьверами все свои кольца и браслеты.

Но все это было отвергнуто молодыми людьми.

Внизу, в каюте, где везли казенную почту, трое экспроприаторов делали свое: один держал дуло револьвера у виска солдата, другой у виска чиновника, а третий выносил баулы с казенными деньгами к борту парохода, куда уже подплыла большая лодка, в которой тоже сидели люди с револьверами.

Перегрузив спокойно баулы с деньгами в лодку, тот, кто перегружал, дал свисток. Тотчас же худощавый, стоявший у капитана, сказал ему:

— У нас бомбы. И мы требуем, чтобы в течение полчаса ваш пароход стоял на месте, а потом вы свободны. Все сделано нами во имя великой русской революции.

И быстро отошел от капитана. Обходя весь пароход, худощавый молодой человек, снял все посты, объявив пассажирам и матросам, что сделано все это во имя революции.

Вдруг неожиданно раздался выстрел.

— Товарищ Сокол, что вы?—обратился худощавый человек к стрелявшему.

— А, чорт,— сказал Сокол, и бросился к матросу, которого он только-что убил.

— Что с вами, товарищ Сокол?

— А... мне показалось, что он бросился к лестнице, чтобы поднять ее, чтоб мы не успели в лодку...

— Товарищ, некогда, некогда — сказал худощавый человек... скорее. Эй, команда, — обратился он к матросам, нагнувшимся над убитым, — скажите скорее фамилию убитого и где его семья.

Кто-то из матросов стал говорить. Худощавый человек передавал эти сведения в лодку кому-то. И в заключение крикнул нарочно громко — опять-таки в лодку:

— Товарищ Ласточка! Пять тысяч рублей перешлите семье убитого товарища-матроса.

— Есть — отозвался кто-то с лодки.

Худощавый человек последним скакнул в лодку, сам взметнул вверх, на борт парохода опущенную лестницу, и, дружно ударяя веслами в желтые воды Камы, гребцы стали удаляться к берегу, к той его точке, где сигналом горел костер в кустах.

Все действия экспроприаторов были быстры и точны. Каждый из них действовал, не критикуя самого существа дела, а взвешивая лишь свои движения.

Платон со своими смутными, немного оловянными глазами—особенно старался подготовить и развить эту механизацию в себе и в других. Он считал, что революционерам не хватает уменья. А так как общего уменья, уменья делать всю революцию нет и не может быть, то это уменье должно составляться из отдельных частей: уменье пропагандировать, уменье бомбы бросать, уменье производить экспроприации.

Самые великие принципы, самые прекрасные идеи есть пустота, если не обладать рычагом, при посредстве которого их можно было бы осуществить. Русские революционеры — как думал Платон — просто перегружены принципами. Не от этого ли им пришлось больше пострадать, чем практическое дело сделать. Ведь при страдании всего легче свой принцип сохранить — он даже углубляется от них. А вот попробуйте протащить хотя самые маленькие, самые незначительные свои принципы через тернистый путь практики, требующей

не только специального уменья, но и специальной техники.

Исходя из всех этих соображений, ему казалось, что произведенная экспроприация является одним из лучших примеров уменья достичь революционной концентрации сил и создать революционную технику.

Но вот это несчастное убийство матроса...

Экспроприаторы считали добычу. Ворон не принимал в этом участия. Он сидел у печи, где тлелись угли, и курил длинную папиросу.

О деньгах много заботился Стриж; с бельмом в глазу, низенький, на правый бок накренившийся человек. Длинные рыжие усы его топорщились в разные стороны и на затылке, козырьком назад, прилипла кепка. Руки, коротколапые, растопыренные, дрожа расправляли пятисотрублевые, тысячные и четвертные билеты. В рыжих усах его слышался шелест цифр. Маленькие глаза болезненно морщились, будто деньги, как чад от костра, слепили их.

Прикрыв рукой одну пачку, он подвинул ее в сторону Ласточки:

— Отправь за матроса.

Платон сжигал во рту папиросу за папиросой и ушами настороженными не только слышал, но, казалось, видел зеленое, как плесень на хлебе, лицо Стрижа.

Ласточка, с ясным русским лицом, как сосновая доска, положил деньги за пазуху своей рабочей куртки.

— А ты подсчитай—прошипел Стриж.

Платон не расслышал, потому что рядом с ним, растянувшись на скамье, спал тяжелым сном высокий, сухой и жилистый, как сучковатая жердь,— Сокол.

Коршун — мужик с черной бородой и блестящими глазами, толкнул в бок Ласточку и сказал:

— Дай-ка сочту.

Вдруг изба вспыхнула белым светом, что-то провалилось в небе и рассыпалось на крышу белым камнем, и вой стада свиней в трубе на минуту смолк. Избушка вздрогнула, Горбачиха перекрестилась. Коршун чуть не упал со стула, Стриж нагнулся, как под ударом. Только Ворон остался недвижим. Все было поражено молнией и громом. Хлестнул дождь, густой и крупный. В нем луна, как утлый челн, потонула у западного края горизонта за осветившимся мелким лесом.

Еще и еще удары. Избушка вздрагивала. Сокол бредил. Горбачиха крестилась. Ворон курил. Стриж и Коршун укладывались спать, головой под стол, на котором считали деньги.

Когда стало светать и гроза ушла за много верст и дождь стал утихать, Ворон посмотрел на часы: четыре с половиной. А в пять решено было двигаться. Он стал будить спящих. Среди них недоставало Стрижа. Все стали искать его по лесу, но ни одному не удалось его вызвать.

Серое утро, сырое и нехорошее, подымалось над лесом.

Ворон, Сокол, Ласточка и Коршун направились к берегу Камы одни, чтобы на лодке подняться к городу, так как медлить было нельзя.

— Вечером — сказал Коршун — кто-нибудь из нас вернется за деньгами.

Ворон, который занес было свою ногу в лодку, вдруг остановился как вкопанный.

— Вечером? Нет, давайте лучше сейчас. Сокол, беги к Горбачихе.

— Ты не найдешь, — сказал Коршун и побежал вслед за Соколом.

Избушка была недалеко от берега. Вскоре Сокол и Коршун вернулись с деньгами. Положили их под скамейку в лодке.

— Значит, вечером не вернемся к Горбачихе? — спросил Сокол.

— Нет,—ответил Ворон и, склонившись на корме на правый бок, задремал под ленивый и тихий ласковый шелест волн.

Две пары весел дружно ударили по затихшей воде.

III.

Сквозь уличную пыль, поднимаемую ногами, тускло светило солнце. Жёлтым светом оно обливало здание суда. Платон, звеня цепями по мостовой, шел к этому зданию. Шел молодо, весело, хорошо. Не шел, а нес себя, как офи-

цер в церемониальном марше. Даже не сутулился.

В суде по лестницам, в коридорах, у столов, веяло зеленой покорностью, как в католической церкви. Потому что и церковь — суд. Судья там — бог.

„Суд—обручи земной жизни. Не будь их, до чего могла бы дойти многобурная, непокорная самой себе человеческая жизнь.

Бог — справедливость. Суд — отражение его. Бог — солнце. Суд — луна. Луна — мертвый лик. Судья — неустанными упражнениями в светлой справедливости стерилизовал в себе человеческие побуждения, превратившись в прибор, измеряющий степень правды. Ходячий термометр справедливости. Судья — вечный спутник простого человека, как луна — спутник грешной земли".

Так думал Платон, войдя в суд. И от этого ему стало неприятно, что его будут судить в этот светлый, светлый день. В сырых коридорах суда было темно. Он закрыл глаза и представил как на улице по дороге скачут воробьи.

Когда его посадили на скамью (так назывался обыкновенный венский стул, подставленный под преступника), он увидел перед собою сидящих рядом троих людей. Четвертый, секретарь, сидел несколько на отлете.

Судьи, отправляясь к своим обязанностям, поругались со своими, женами, выпили по стакану чая с молоком, приняли по капле иода в молоке — лекарство от склероза, поцеловали в лоб детей, отправляющихся в гимназию, вздохнули скорбно о том, что сегодня не двадцатое число, поворчали на своих горничных, неаккуратно вычистивших сюртуки, и спрыснули себя одеколоном, как протухающую вещь. В зеркало на себя никто из них не заглядывал: они не любили свои лица.

Судьи говорили негромко, немного хриповато: справедливость устала непрерывно истекать их голосом.

Платону показалось, что судьи — это чеховские чиновники, собравшиеся сыграть в винт. 12 томов свода законов — это колода картишек.

Платону стало так весело, что захотел рассказать это кому-нибудь. Оглянулся назад и увидел Соню. Она с букетом цветов стояла в публике, боязливо жалась к окну и участливо большими глазами смотрела на Платона. Он улыбнулся ей детской улыбкой. В ней сейчас он видел тот мир, который одобряет его, удивляется ему, сочувствует ему, любит его.

Секретарь тем временем читал обвинительный акт. Платон слушал свою биографию, как интересный рассказ какого-то человека. Секретарь читал долго. Превратился вдруг в глазах Платона в маленькую точку, которая кружилась, кружилась, удаляясь в глубину какого-то длинного, светлого коридора.

Вдруг в воспоминании Платона всплыла одна сказка, которую рассказывала ему его мать.

У льва зашел разговор с хитрой змеей. Лев сказал:

— Я царь зверей и никого, никого не боюсь, потому что я самый храбрый, самый смелый, самый дерзкий.

Змея ответила:

— Но есть кто-то и посильнее тебя.

Лев расхохотался громко на всю пустыню и спросил:

— Кто же это?

— Человек, — ответила змея.

— Это что же еще за животное? Как будто я не встречал такого в моем царстве?

— А вот погоди, может и увидишь.

В это время под кустом раздался плач ребенка — мальчика лет шести, который, видимо гуляя, заблудился.

Лев бросился туда и, увидев мальчика, воскликнул:

— Так это и есть человек?!

Лев зарычал, встал на задние лапы и хотел растерзать ребенка.

— Не тронь его, — сказала змея — это не человек, это то, из чего потом будет человек.

В другой раз лев опять беседовал со змеей о человеке. Как вдруг из-за далекой горы показался старец с клюкой.

Лев зарычал:

— Вот он, человек!—и хотел броситься на путника.

Но змея опять удержала льва:

— Это тоже не человек: это то, что было человеком.

И путник прошел нетронутым.

Едва он скрылся, как из-за кустов вышел двуногий в шляпе, с ружьем в руке, с сумкой на спине, в больших сапогах. Походка его была твердая.

— Ну, а это человек?—спросил лев змею, спокойно лежа на теплом песке, немного отяжелев после двух неудач.

Змея едва успела фыркнуть льву в ухо: „да", как лев был оглушен чем-то большим, страшным, чего ощупать было нельзя, но что словно переломило его пополам, как тростинку, и вот он, лев, царь зверей, простился с жизнью.

Секретарь в тот же момент кончил чтение.

Председатель суда спросил Платона:

— Вы сознательно участвовали в экспроприации?

— Я сказал, что подтверждаю все, что касается экспроприации. Как на следствии, так и теперь заявляю, что своими действиями мы преследовали исключительно революционные цели. Это не решающий фактор революции, но это проба, маневры, способ организации сил.

— Вы в этом убеждены?

— В нашей стране — начал Платон — такие нескончаемые поля, такие дремучие лесные океаны, такие люди... Впрочем, что я: все равно вы, господа судьи,— не поймете. Да и не для этого вы здесь, чтобы понять.

Махнул рукой, сел. Мельком оглянулся на Соню. Она потихоньку одобрительно кивнула головой. Это ему показалось нехорошим.

„Вот еще справедливость ходячая" — подумал он и отвернулся.

К вечеру, на второй день суда, судьи удалились в отдельную комнату.

Там они поправляли галстуки и вытирали носовыми платками очки. Председатель два раза сходил в уборную.

Один член суда жаловался на то, что у него, видимо мигрень начинается. Другой рассказал историю древнейшего славянского праздника масляницы. Это дало повод к возникновению некоторого спора о том, что более тяжело для желудка: блины или пельмени. Тем временем председатель набросал приговор, согласно которому Платон получил смертную казнь.

К вечеру подсудимый был доставлен в свою камеру. Там на стене, над своей койкой, у изголовья кончиком гвоздя Платон начертал:

„Как счастливо человечество, что у него есть судьи".

Дня через два сосед Платона по камере имел свидание с Соней. Она успела ему сунуть записку для передачи Платону. Сунув наскоро бумажку в рот, сосед Платона прошел в сопровождении стража из свидальной комнаты обратно в камеру.

Там он развернул и расправил мокрую записку. Записка гласила:

„Платон, только сознание того, что я могу пригодиться для революции, оставляет меня продолжать земной путь. Прощай! Я полюбила тебя с первой нашей встречи, на лодках на Волге, в лесу. С тех пор... И все боялась сказать. А вот теперь, так поздно. Все твои поручения исполню. Кончено. Прощай! Зачем ты отказался от свидания со мной, когда имел возможность, после суда. Зачем не захотел видеться? Все равно, ведь любовь моя сама по себе... Кончено. Кончено. Соня."

В тиши ночной, серой тюремной тиши, когда-то где-то скреблась мышь, сосед осторожно гвоздиком выстукивал содержание этой записки Платону.

Слышно было, как Платон чиркнул по стене после последнего слова записки: знак того, что принял депешу.

Сосед подождал немного. Потом выстукал:

— А ответ будет?

— Нет, — ответил Платон и добавил— Разве ты не знаешь, что я неспособен никого любить? Жаль девушку. Спокойной ночи!

Тускло. Лампочка вверху, а в двери дырка — словно от выстрела. Тишина такая, что кажется стелется она дымом и стены от нее потеют.

Окно с решеткой под потолком, как глаз с бельмом. Исподлобья все косится. Его только бояться не надо. И как-то не верится: среди шумящего города — камнем очерчен квадрат и в нем тюрьма— собрание молчальников, и в каждой камере трагедия. Стены глушат и слепят. В железной кровати, в привинченном

столике, в решетке злобной на окне — одно: великое, прямое, как столб, — „никогда". Никогда отсюда не выйти, никогда не коснуться ногами трепещущей голой земли, и нет отличия между этой камерой и смертью. Поэтому-то Платону было и неважно, что приговорили его к смерти. Пусть смерть, — никогда и камера никогда. Чем одно ужаснее другого?

И от безразличия, как часто бывает, проснулась в Платоне игра сил. Сначала как будто ради забавы, играя своим острым слухом, своей стальной силой, своим орлиным зрением, своим животным инстинктом, Платон осторожно вынимал из печки кирпич по кирпичу. Тишина была свидетельницей, но тишина никогда ничего не скажет. Верный друг. А кирпич враг. Рыжий, черствый, жизни в нем нет. Просто обезумевшая от огня красная глина. К такому кирпичу клещи бы стальные. А вместо них пять да пять своих собственных. И к тому-же торопиться надо пятернями и до завтра, или послезавтра — известно, что скоро, но неизвестно когда— пять да пять вздрогнут последний раз и звякнут деревяшками и больше никогда не вздрогнут.

А пока пять да пять работай, не раздражая квадратную, ровно очерченную, молчь.

„Кирпич, это кирпич, а не человек,— думал Платон, — в библии говорится, что и человек из глины — это, пожалуй, глупо сказано, я не мог бы тогда ломать эту жалкую глину—существо моего прародителя".

Глухо. Где-то в глубине мозга кружилась в голове Платона такая философия. Иногда самому становилось дико: „Неужели эти судьи-лунатики могли так надорвать мой мозг, что ничего, кроме как о кирпичах и глине, я и помыслить не могу". Чтобы отвлечься, упорно работая над кирпичами, стал вспоминать анекдоты: Две старухи рассуждали о немецком языке. Одна говорит другой: „Вот, матушка по-нашему кирпич, так уж он и есть кирпич, а по ихнему совсем даже наоборот, и ведь они еще что: понимают друг дружку". Анекдоты шли в голову тоже только про кирпич.

И ни разу не улыбнулся от анекдотов: теперь все о кирпиче, даже самое смешное мог понять только как самое серьезное.

Кирпич тяжелый жесткий. Сначала раскачать его надо, как больной зуб, потом вытащить, потом тихо половицу приподнять и туда, в прорытую яму, отправить его. А вместо себя, на железной кровати, пусть лежит одеяло и под ним тряпье. Пусть мент[1] подумает, что приговоренный к смерти может спать. Потом детишкам будет что рассказать. И так день, другой...

Вдруг ток по всему телу. Насторожился. Замер — в двери — рамка простреленная и в ней глаз. Настоящий, который в анатомии называется яблоком: мент тихонько наблюдает.

„Рожа кирпича просит" — подумал притаив себя у печки тот, которого судьи считают будущим трупом.

Даже в такой отчаянный момент, когда случайно может быть все открыто — мозги упрямо свое глаголят: про кирпич.

„Ага! Кирпич,—преграда к жизни. Преграду подкопать".

Сначала голова поместилась в трубе.

Потом рукой железку вырвал в кирпиче.

Кирпич еще один снял в трубе. Стал выпрямляться.

Вот он гроб стоячий: ничего не видно. Кругом все стянуто. Не с четырех, а с десяти сторон.

Кирпичная кишка. Каменная жила. Сжимает и в горле вместо дыхания одно серцебиение слышно.

Не сердце, а-птица. И много птиц: в голове, в висках, в концах пальцев, в икрах ног, под каждым сдавленным ребром — везде забились безголосые, трепетные птицы. Защемило все тело и во всех жилах заходил дурман.

Уж не философия кружилась в голове, не анекдоты, не фразы, а сама тьма заменилась хаосом, как черная сетка, сотканная из многих лет.

Дурманная паутина в мозгу и горло заткнуто сажей.

Скорей, скорей разорвать эту черную сетку, сцепленную из миллионов лет. Про-

---

[1] Мент — на языке заключенных — надзиратель, а на английском языке — дух.

рвать тьму. Вырваться. Выдохнуть сажу. И задрожало, сжатое кирпичной трубой, все тело, и каждая птица, бьющаяся каждой синей жилкой, вступила в отчаянный бой с черной паутиной. Теперь больше нет мента, нет двери, раненой на вылет, нет лампочки, как раздувшийся клоп, нет окна, как глаз с бельмом, нет даже половицы, куда надо прятать кирпичи. Есть только одно: тесная утроба кирпичная, и он, младенец, рвущийся на свет. Печная труба, беременная приговоренным к повешению.

Шаг. Два. Дыхание. Птицы—синие жилы. Кирпичная беременная утроба и—свет.

Родится или задохнется?

Свет или тьма?

И еще не забыть бы узелок, привязанный к правой ноге. В узелке две простыни, чтобы спуститься удобнее.

Шаг. Два. Дыхание. Птицы — синие жилы. Кирпичная беременная утроба и — свет.

Рождение на крыше.

Потную, горячую, сажей пропитанную, голову обдало свежим ветром.

Глянул Платон в небо — а там глаза, глаза, много глаз. и все они мигают из бесконечной черноты, наверное оттуда, где смерть. Повис на локтях на трубе. В небо смотрел. Умерял дыхание. Ногой шевелил в трубе, щупал узелок, и думал:

— „Я червь — я бог".

Ну, а дальше что. Совершенно не знал, что дальше делать. Весь вылез из трубы. Босой ногой коснулся холодного железа крыши. Зеленое листовое железо дало легкий звук. Весь в слух обратился Платон.

Далеко лаяла собака. И где-то по деревянному мосту стучала колесами телега. Потом опять тишина. Далекий тонкий свисток, от которого хочется мечтательно куда-то унестись далеко, далеко,—и опять тишина.

Но другая. Не та, что внизу, огражденная кирпичами. Здесь тишина поднебесная, опустившаяся на землю из черной тьмы. Тишина здесь — океан теней.

Уж не разучился ли он простую действительную жизнь представлять себе так, как она есть?

Тихо развернул одну простыню и другую. Одной замотал свои кандалы, чтобы не гремели, другой окутался весь с головой. И, скользя подошвами босых ног, осторожно опустился на край крыши.

Стоп. Как столб соляной застыл от страха: снизу смотрел на него прямо в глаза часовой. Этот корпус тюрьмы выходил на площадь, где днем гуляют дети. А ночью гуляет часовой.

Все кончено. Все усилия, кирпичи, труба — все нечеловеческие напряжения, все пропало. Все было зря. Из тишины с земли смотрели на Платона два блестящих глаза. И рядом с ним блестел штык винтовки.

Но, что же он медлит? Пусть лучше стреляет! Не все ли равно, от свинца или от веревки. От свинца еще почетнее! Да и товарищам, что остаются жить в тюрьме, веселее будет. Как-никак—

бац — выстрел! Тишина даст трещины по многим направлениям, и заликуют голоса.

Чего ж он медлит?

Штык дрожит. Замерло. Значит, руки дрожат.

Неужели он, часовой, друг? Ведь бывает. Вот в песне, например: „Рад помочь тебе я, барин, да боюся батожья“.

Может быть, и этот рад помочь ему, Платону.

Рад или нет? Друг или враг? Наклонил свое лицо Платон и пристально всматривался в блестящую пару глаз и в штык, дрожащий, как вытянутая в ниточку слезинка.

Щелкнул затвор. Храбро подпрыгнул штык. Невидимое в темноте дуло отыскало пустым зрачком своим самое сердце Платона. Сердцевину человека.

Ну и что же? Опять он медлит?

А Платону все равно: свинец почетнее. Смотрит он упорно. Вдруг — не верит глазам: зашатался, упал, исчез в темноте штык. Сломился как соломинка.

Часовой медленно прошел подальше, отвернулся. Потом, сразу оглянувшись опять глазами на Платона, опять взметнул винтовку. А Платон, как смерть, ни с места.

И опять закачался штык и утонул в темноте. Часовой стал ходить взад—вперед. Сначала тихо. Потом пошибче.

А Платону все равно: ни с места и смотрит.

Остановился часовой. Кашлянул. За будку зашел. Из-за будки выглядывал долго. А на крыше белая смерть недвижно стояла. Раз два, раз два — опять зашагал часовой взад—вперед. Сначала тихо, потом быстрее и еще быстрее, и еще быстрее, и еще. В будку спрятался, съежился от холода, зуб на зуб не попадал. В будке сбоку дырочка, глазок потайной. В нее смотрел осторожно. А белая смерть надвигалась.

Конечно, смерть. Часовой знал, что как раз за этим корпусом вешали. И в этот год вешали много. Почему нет: нашелся такой покойничек, да и встал. Ведь ночь — океан безводный теней бестелесных. Да и тюрьма—петля—замок на дыхании — передавила много безбожников.

Украдкой осенил свое рябое лицо крестным знамением часовой, зашептал „Царю-небесный“ мохнатым рыжим ртом. А холодный пот на рябом лице во все поры гнал страх.

Долго смотрел в дырку из будки.

Она—окаянная—стоит на крыше. Вся белая, белая. Уже винтовка—не винтовка в руке, а так себе палка. Ходит часовой, прикладом по земле возит. И даже от привидения далеко отойти не может. Страх — магнит. Смертельный страх сильней магнита. Волочилась винтовка. Ноги как пьяные. Дрожь в коленках. Руки горят. Глаза то-и-дело косят на белую смерть. Движения как у больного, в бреду, в огне.

Такая ночь. Сейчас наверно лешие совами кричат, домовые кукуют, ведьмы летают на помеле и повешенные стонут. Мудрено-ли, что один из них тенью на крыше ходит?!

Часовой бросил винтовку, схватился за сердце, уставился огромными глазами в глаза Платона. Тихо застонал. У Платона закружилась голова, и, глядя напряженно в глаза часового, Платон потерял счет своим сердечным ударам и, мягко оттолкнув себя левой ногой, полетел вниз.

Удар коленками о землю. Отдало в спину. Ладонями рук в землю и сразу стал человек. Все так хорошо. И на земле, даже не над пашней, а так пахнет хорошо. А рядом, вниз лицом, распластав руки, словно плыл по реке, — лежал часовой.

И будто электрическими буквами, как самая нужная реклама, в мозгу всплыл адрес: Нижняя улица, у самой реки, д. № 2.

А часовой, когда к нему пришли на смену, был найден в глубоком обмороке.

Сосед поутру рано выстукивал Платону. Ответа не было.

Сосед почувствовал, как кровь бросилась ему в виски: значит, этой ночью Платона повесили.

Сосед стал стучать об этом другим товарищам, находящимся в нижней камере, в верхней, в правой стороне. И стуки тихие, четкие, тише шопота, пошли по тюрьме:

„Казнили“.

Рассказ БЕЛА ИЛЛЕШ[1]

1

Я прослужил в армии филистимлян всего пять дней. Каждый день мы проводили по несколько кровавых боев с еврейскими войсками. В промежутки между боями, наша небольшая группа, состоявшая из нескольких филистимлян и евреев, собиралась за одним из египетских сфинксов, разбирая книгу Бухарина об экономике переходного периода. Книга эта в то время впервые вышла на немецком языке.

Каждый солдат-филистимлянин получал жалованья три тысячи австрийских крон в сутки. Столько же получали и еврейские солдаты, хотя они, по настоящему должны были бы получать больше, потому что, если с военной точки зрения они нисколько не были лучше нас, но зато они носили бороду, а носить бороду — вещь не только неприятная и вредная для здоровья, но и отнимающая не мало времени. По вечерам, когда мы, филистимляне, успевали уже переодеться в свою собственную одежду, они долго еще возились отмыванием лица.

На четвертый день евреи сговорились потребовать надбавку за бороды. Они послали делегацию к режиссеру. Режиссер принял их дружелюбно, спокойно выслушал их требование, но удовлетворить его отказался самым решительным образом.

— Кино-статист есть кино-статист. Я не могу допускать никакой разницы между евреями и филистимлянами. Это было бы не демократично.

— На кино-фабрике «Шаша» викинги получают надбавку за то, что они прыгают в море с горящего корабля! — возражал один из еврейских архисвященников.

— Это дело завода Шаша,— ответил режиссер. — Впрочем, если хотите знать, то, по моему мнению, фирма Шаша поступает совершенно неправильно. Я уверен, что фильма у них выйдет плохая, потому что. в море будут прыгать, по крайней мере, вдвое больше, чем следовало бы по замыслам автора.

Обособленная кампания евреев таким образом провалилась, но в тот же день возникла идея общей кампании за повышение платы. Повышение это пришлось бы всем очень кстати. За десятичасовой рабочий день мы получали три тысячи австрийских крон, из них триста шло на одни трамвайные билеты туда и обратно, а кило хлеба стоило тысячу сто семьдесят крон.

Отряд, в котором я состоял, был назначен в этот день для личной охраны Далилы. Я вкратце об'яснил своим товарищам по отряду, почему нам необходимо начать кампанию за повышение жалования. Все они согласились с моими соображениями, но лишь немногие высказались определенно за выступление.

---

[1] Бела Иллеш — коммунист, активный участник советской революции и гражданской войны в Венгрии. Еще в 1917 г. Бела Иллеш выпустил в Венгрии пацифистскую книгу, а в 1919 г. вышла из печати его книга «Спартак», уже проникнутая идеями классовой борьбы пролетариата. С тех пор его произведения появляются отдельными изданиями и на страницах периодической печати разных стран, на разных языках.

Кино-статисты — это народ, большей частью, люмпен-пролетарский. Актеры без ангажемента, бедные студенты-отпускники и вообще люди без определенной профессии, без роду и племени. К счастью, в наших рядах было и несколько рабочих, втянутых в это дурацкое занятие продолжительной безработицей и урезанным пособием. Кроме того, среди статистов устроились многие из наших венгерских и югославских эмигрантов, которые не могли найти себе иного занятия, так как значились во всех черных списках Средней Европы. Для организации забастовочной кампании мы, правда, не очень-то годились, так как для большинства из нас единственным легитимационным документом служило постановление полиции о высылке навсегда из пределов города Вены. Тем не менее мы решились взяться за это дело.

Из моего отряда за выступление наиболее решительно высказался Данунцио. Это был еврейский парень из города Праги, попавший, бог весть каким образом, в город Фиуме как раз во время движения Д'Аннунцио и приехавший после его падения, неизвестно как и зачем, в Вену. Не меньше десяти раз в день он рассказывал нам — подтверждая свой рассказ честным словом и всякими клятвами — что он участвовал в двух боях на море и в одном на суше под командой самого Д'Аннунцио. Поэта он до сих пор еще величал именем «nostro commandante» («наш командир»), мы же его самого прозвали Данунцио. Этот Данунцио и был самым горячим сторонником стачечной борьбы.

Около двух часов пополудни, после кровавого боя, мы устроили большое совещание за спиной сфинкса. Кроме солдат обеих армий в совещании участвовал также один из еврейских первосвященников. Единогласно решили, чтобы мы на другой день утром — по возможности во время одной из важнейших сцен — прекратили работу и потребовали повышения платы. Данунцио предлагал повышения на три тысячи крон.

— По мнению «нашего командира», — об'яснил он, — войну можно вести только с хорошо оплачиваемыми воинами.

Но его предложение было нами отвергнуто. Все двадцать четыре члена забастовочного комитета согласились на требование двух тысяч. Данунцио встретил наше решение с обычным для него извержением непонятных и бессмысленных слов, являющихся, по его утверждению, общеизвестными ругательствами итальянских солдат.

Нам повезло. На другой день мы должны были играть как раз «монстр-сцену», которой предшествовала долгая подготовка. Нужно было разместить наших восемьсот статистов так, чтобы у зрителя получилось впечатление, что их имеется не менее двадцати тысяч. Положение представлялось так: мы, филистимляне, забираем в плен Самсона, лишенного уже предварительно своего длинного парика. Евреев, идущих ему на помощь, мы отбиваем в кровавом бою. Когда затем Самсон стоит среди нас, на поле битвы, связанный по рукам, а кругом лежат тысячи еврейских трупов, из-за спины Сфинкса выходит на сцену Далила рука об руку с вождем филистимлян, и мы, солдаты - филистимляне, торжественно встречаем своего вождя и великую народную героиню с высоко поднятыми серебряно-бумажными щитами и блестящими деревянными копьями.

Репетиция этой сцены продолжалась добрых два с половиной часа и, наконец, режиссер был удовлетворен результатами.

— Внимание! С'емка начинается! — крикнул он нам в рупор.

— Вперед! — скомандовал режиссер, и с'емка началась.

По этой команде, согласно инструкциям, мы должны были напасть на Самсона. Все шло, как по маслу. Фотографы лихорадочно работали. Самсона мы захватили в плен. Еврейские войска были нами разбиты. Еврейские солдаты, одетые в длинные и пестрые кафтаны, похожие на женские капоты, лежали на земле мертвые а мы, филистимляне, — в коротких, узких юбках, в золотых касках и в сандалиях, опьяненные победой, ждали прихода своего вождя.

— Вперед! Далила! Не слышите, что ли? Идите же, чорт вас побери! Нейбауэр! Берите ее под руку!

И из-за сфинкса появилась полуголая красавица, с длинными павлиньими перьями, под руку с вождем филистимлян. Увидя своего вождя-героя и великую дочь нашего народа, мы высоко подняли свое сверкающее серебром оружие и громогласно закричали:

— Ниже пяти тысяч играть не будем!

На этот боевой клич все мертвые евреи вскочили на ноги, как один человек, и, потрясая в воздухе своим оружием, стали громко кричать вместе с нами:

— Ниже пяти тысяч играть не будем!

Фотографы прекратили свою работу. Воскресение евреев испортило всю с'емку. Далила — жена режиссера — упала в обморок. Данунцио где-то достал стакан воды, установил его на своем щите и предложил Далиле. Режиссер вскочил на платформу сфинкса и в бешенстве кричал в рупор:

— Мерзавцы! Испортили всю с'емку!

— Ниже пяти тысяч играть не будем!

— Вы расстроили нервы моей жене! Вы губите нас!

— Ниже пяти тысяч играть не будем!

Еще некоторое время режиссер неистовствовал, угрожая нам жандармерией и всякими ужасами на том свете, но, наконец, все же сделал предложение: выбрать делегацию для переговоров.

Соглашение состоялось на четыре тысячи восемьсот крон в сутки. Режиссер был страшно бледен от сильнейшего волнения и раздражения. С'емку «монстр-сцены» пришлось начать сначала.

2

На другой день трамваи не ходили. Была забастовка. За один день цена на хлеб поднялась до тысячи пятисот крон. Из Винер-Нейштадта сообщали о предстоящей массовой забастовке. Газета социал-демократов призывала рабочих к спокойствию и к «трезвым рассуждениям». Говорили, что правительство сосредоточило в Вене много жандармерии из провинции.

Всем тем кино-статистам, которые, как и я, жили в Гринцингском районе, пришлось встать в четыре часа утра, чтобы во-время поспеть в кино-городок. Все мы были в отчаянии. Один только Густи не терял хорошего расположения духа.

— Мы потребуем за эту прогулку надбавки! — сказал он.

В Гицинге к нам присоединился Данунцио. Он предлагал требовать новой прибавки в пять тысяч, а на тот случай, если режиссер откажет в нашем требовании, он выдвигал смелый план: сделаться самостоятельными. У него уже имеется сценарий, на котором мы можем заработать много денег. Фильма будет куплена всеми без исключения итальянскими кино-театрами. Итальянская лира одна из лучших валют, и в скором времени она наверняка еще больше подымется. Он рассказывал даже «монстр-сцену» своего сценария. «Наш командир» с болью в сердце отдает приказ: стрелять в бедных обманутых итальянских солдат... Фильма будет называться: «Наш командир».

К семи часам мы уже были одеты по всем правилам. Бухарина я спрятал под юбку, носовой платок прикрепил к наконечнику копья, папиросы уложил в каску, и отправился на поле.

Между нашими уборными и городом простиралось широкое, усыпанное цветами поле, на котором лежали евреи и филистимляне, читая свои газеты. Сегодня и без всякой предварительной агитации царило стачечное настроение. Мы будем требовать, чтобы наша плата регулярно и систематически повышалась, соответственно повышению цены на хлеб.

Было уже половина восьмого, но ворота кино-городка еще не отпирались. Наконец, без четверти восемь, на башне появился режиссер с рупором в руках.

— Внимание! Правление нашего акционерного общества на своем вчерашнем заседании установило, что повышение платы статистам подорвало бы самые корни материального существования общества. Правление не оспаривает, что материальное положение статистов не особенно завидное, но оно считает своим долгом предупредить всех заинтересованных, что, настаивая на своих слишком преувеличенных требованиях, они могут вызвать банкротство всего предприятия, и тем самым лишить самих себя работы.

Поэтому правление уверено, что оно поступает в интересах самих статистов, заявляя, что с сегодняшнего дня оно разрешает платить суточные не свыше трех тысяч крон. Кто при таких условиях работать не согласен, тому вход в кино-городок воспрещен.

В ответ посыпались возмущенные крики. Щиты и копья угрожающе подымались в воздухе.

Режиссер — не обращая положительно никакого внимания на наши горячие протесты — без всяких дальнейших разговоров преспокойно удалился с башни.

Ворота открылись. За ними стоял взвод австрийской жандармерии.

Наше возмущение было выше всякой меры.

— Не будем работать! С голода лучше подохнем, но за такую плату работать не будем!

Режиссер больше не показывался. Жандармы стояли неподвижно. Нашим тоже скоро надоело кричать без толку, и все мы расположились на поле.

Наша маленькая группа, как всегда, собралась вместе. Положение было совершенно ясно; не было нужды ни в какой дальнейшей агитации.

За следующие полчаса число лежащих в поле уменьшилось наполовину. Многие пошли в кино-городок сдаться.

Тогда только мы сообразили в чем дело и, переходя от группы к группе, начали лихорадочную агитацию. Но было уже поздно.

Около девяти часов нас осталось всего сорок с лишним человек.

— Ничего не поделаешь! Мы вполне заслужили свою участь, раз показали себя такими дураками! Давайте переоденемся и пойдем домой.

Но — в уборные мы тоже не могли попасть. Там тоже оказался жандармский отряд. Прием статистов был закончен и до пяти часов вечера никого в здание не пускали.

— Но ведь мы не играем. Мы желаем домой!

— Это меня не интересует — сухо ответил жандармский фельдфебель.

Устроили маленькое совещание. Данунцио предлагал напасть на жандармерию. Остальные высказались за то, чтобы обратиться в ближайший Совет Рабочих, находящийся в Гицинге, в расстоянии одного часа ходьбы от нас.

— В Совете сидят социал-демократы, они нам помогать не станут!

— Во всяком случае от них скорее можно получить защиту, чем от бумажных щитов!

— Я не совсем уверен в этом!

Один из наших рабочих, металлист, отец трех детей, взялся пойти в Гицинг, но оказался в большом смущении перед своим лиловым кафтаном и огромной бородой.

— Ничего! вас примут за албанского эмигранта. Албанцы почти все так одеваются — успокоил его Данунцио.

Мы снова улеглись на поле и принялись за Бухарина. Густи, одетый в капот апельсинового цвета, в огромных костяных очках, читал нам вслух и об'яснял прочитанное. Мы задавали вопросы и высказывали свои мнения. Некоторое время дело шло на лад, но постепенно солнце все сильнее и сильнее начало припекать наши голые спины, и кроме того голод давал себя чувствовать.

— Ну, шут с ним, с этим нашим переходным хозяйством! — заявил Данунцио — Давайте, лучше, поговорим.

— Пойдемте в тень!

На расстоянии десяти минут ходьбы от кино-городка виднелась небольшая роща. Отправились туда. Голод, правда, и там не проходил, но зато, по крайней мере, мы были защищены от палящего солнца.

Слово взял Данунцио. Он нам рассказал историю какого-то сражения на море. В бою участвовали: со стороны врага — коммерческий пароход, нагруженный кофе и чаем, а со стороны Фиуме — один катер, снабженный пулеметами. Победа осталась за Фиуме. Взятый в плен пароход был загнан в порт. Но этим дело не кончилось. При осмотре оказалось, что владельцем парохода являлся итальянец-католик, а «командир» не желал конфисковать итальянского имущества.

Здесь Данунцио остановился, и мы уж было пожалели, что ценный груз так и ускользнул из рук «командира», но Данунцио поспешил нас успокоить.

— Что мне оставалось сделать! — продолжал он. Я засвидетельствовал под клятвой, что пароходовладелец никто иной, как родной брат моей матери, и, следовательно, не итальянец, так же как и не католик, и что он едет под фальшивыми документами. «Командир» помиловал его, даже не наказав за подлог, но груз, разумеется, был нами конфискован, как военная добыча.

Я хотел было предложить Данунцио рассказать нам что-либо из его сухопутных приключений, но этого сделать не удалось. Наше внимание было привлечено более интересным событием.

На открытом поле, находившемся по ту сторону рощи, появилась небольшая группа людей. То были рабочие-комсомольцы из трамвайщиков. Их было всего около двадцати человек, с обычными большими «орднерскими» дубинами в руках. Сначала ребята выстроились в ряды; затем — по команде пожилого рабочего, очевидно бывшего солдата — стали вздваивать ряды, маршировать, опять строиться в ряды и т. д. Затем рабочий читал им «лекцию» об устройстве манлихерского ружья [1]. Данунцио сразу же заметил, что командир-рабочий носит советскую звезду.

— Это — орднеры - коммунисты! [2].

Молодые парни с блестящими глазами слушали об'яснения своего командира. По выражениям их лиц было видно, что они весьма и весьма не прочь бы иметь уже в руках тот самый манлихер...

И как вскоре оказалось, такое оружие им бы действительно было весьма кстати.

За полями высился небольшой холм. По ту сторону холма, на склоне, вдруг раздалось громкое пение.

«Prinz Eugen, der edle Ritter
Wollt'den Kaiser wiederkriegen»...[3]

В военном порядке, также снабженный огромными дубинами, появился отряд «гакенкрейцлеров». На первый же взгляд было видно, что по числу они были в пять-шесть раз сильнее комсомольцев.

Как только предводитель гакенкрейцлеров увидел маленький отряд комсомольцев, он сейчас же приступил к действию.

— В цепь!

В несколько секунд гакенкрейцлерами был образован широкий полукруг, и они сразу же показали, что дубины являются не единственным их оружием. Один из них выстрелил по комсомольцам из револьвера. Те в закрытых рядах, медленно отступали по направлению леса, но не успели они дойти и до края рощи, как последовали дальнейшие выстрелы. Один из комсомольцев был ранен в ногу. Гакенкрейцлеры, видя, что комсомольцы скрылись между деревьями и не будучи уверены, что у них нет оружия, приостановились. Но у тех огнестрельного оружия не было. Они заняли позицию за крайними деревьями рощи и, крепко держа в руках своих дубины, ожидали нападения. Однако гакенкрейцлеры почему-то медлили с наступлением.

Когда мы сообразили в чем дело, вся небольшая роща была уже ими окружена.

Позавчера гакенкрейцлеры в Гицинге убили одного из заводских делегатов. Хорошо было бы отомстить им, но оружие, к сожалению, и теперь находится у них, а не у нас; палками же против револьверов немного сделаешь!

— Нам бы перескочить к ним!

— Трудновато будет.

— Посмотрим! — говорил Густи уверенно.

До этого комсомольцы нас даже не заметили. Теперь же они так были удивлены, что в первую минуту даже забыли об угрожающей им опасности.

— Венгерские эмигранты — представил нас Густи, показывая правой рукой на свой лиловый капот, как будто такое облачение являлось для венгерских эмигрантов самым естественным удостоверением личности.

Все мы были уже на ногах и образовали боевую линию, как если бы предстояло начинать «монстр-сцену».

— В атаку! На врага! — командовал Густи!

— Черти проклятые! — крикнул он в следующую же минуту и несколькими

---

[1] Манлихер—австрийская винтовка военного образца.

[2] Орднерами называются антифашистские дружины рабочих.

[3] «Благородный рыцарь», принц Евгений, захотел вернуть кайзера вновь — фашистская песня.

прыжками выбежал из леса. За ним, с высоко поднятыми копьями, бежала вся боевая линия: в юбках и кафтанах с развевающимися бородами.

На остриях копий реяли прикрепленные платки, на телах «бойцов» блестело золото и серебро.

— Ура! ура! ура!

Команда гакенкрейцлеров до нас не доходила, мы видели только, что они повернули назад и побежали. Бежали они быстрее нас. И не удивительно: испугались, мерзавцы, сверкающего оружия древнего воинства. Что они вообразили, мы не знали, но во всяком случае они вряд ли догадались, что только наши глупые копья и шпаги помешали нам настигнуть их.

Когда мы достигли вершины холма, они уже исчезли в чаще ближайшего леса.

— Дьявол! — ругался Данунцио, вытирая себе лоб фартуком. Эдакая дурацкая история! Там за стеной мог бы получить три тысячи за игру в войну, а я вместо этого веду здесь настоящую войну даром!

1905 год

Фешин После расстрела

Юм.

Каждый маленьким был героем.

Нет.
Ни за что в памяти не зароем
Прошлого дорогие крошки.
Каждый маленьким был героем,
Славоносцем бессмертным немножко.

Вот.
Город холодом вьюг дымящий.
Трубы бездымно — в небо зов.
Слышится вопль все чаще и чаще:
— „Замерзаем!
„Слышите:
нет
дров!..“

Сто.
Суровые нервные лица;
Синим утром к вокзалу путь.
„Надо же, надо же отеплиться
„Тощему городу как-нибудь!..“

В коробках теплушек чужая стужа.
Предрассветных полей розоватая синь.
Жизнь шинельная, потерявшая ужас,
Разучила жаловаться, просить.

Не встанет город на колени.
Богу не сожжет свечи,
Оттого, что мерзлые поленья
Дал ему великий наш почин.

Солнышко метнулось,
Пробежал смешок.
Зябкую сутулость
Выпрямил снежок.

Дров полны вагоны,
Весел стук колес.
Гоним, гоним, гоним
Драгоценный воз!

Нет.
И таких, как наш субботник,
Мало ль было в грозные года?
Тысячи,
Десятки тысяч,
Сотни —
На субботниках работали тогда...

Нет.
Ни за что в памяти не зароем
Прошлого дорогие крошки.
Каждый маленьким был героем,
Славоносцем бессмертным немножко.

ЕВГ. ПАНФИЛОВ.

Ночью, если все в комнате спят,
Если синь без конца и без края,
С черноглазой ватагой ребят,
Над бумагой склонившись, играю.
Я люблю вас, моя детвора,
И улегшись потом на постели,
Пока пышные косы утра
На востоке заря не расстелит.
На рассвете повсюду бело,
Даже двор начинает светиться,
И смотрю я враждебно и зло
На свои, на сухие страницы.
Скомкать долго ли? Бросил — и все:
Казнь моя и легка и свирепа,
Но под вечер свое ремесло
Начинаю нащупывать слепо.
С детворой продолжаю игру,
Сатанея, кидаюсь строками,
Но опять к роковому утру,
Я беседую со стариками.
Эта мука ужель навсегда,
Неужель без конца и без края
Все мои удалые года
С детворою я так проиграю?

Рассказ Н. Н. ИЛЬИН.

(*Из прошлого*).

Однажды мой сосед по камере, профессиональный вор Васька Захаров, случайно попавший в политики, не вышел на прогулку.

Обыкновенно Васька гулял весьма «усиленно». Шагая по кругу, он вертелся во все стороны, размахивал руками, выбрасывал их вниз, вверх и в стороны и все время усиленно сопел носом. Вся эта нелепая процедура, названная Васькой почему-то «усиленным гуляньем», служила постоянным развлечением всей прогулки, и отсутствие Васьки было сразу же замечено почти всеми.

Что бы такое могло с Васькой случиться?

Обеспокоенный образовавшейся в том месте, где гулял Васька, пустотой, я, вернувшись с прогулки, взял карандаш и постучал в стенку.

— Василий, в чем дело?

Ответа не было.

— Вася! повторил я свой вызов.

За стенкой кто-то завозился. Слышно было, как кто-то шарит по столу у самой стенки. Звякнул какой-то металлический предмет, должно быть, медный кувшин или чайник, затем в самом углу послышался стук, незнакомый—не Васькин:

— Кто?

Догадавшись, что во время прогулки произошло какое-то перемещение и что в соседней камере, вместо Васьки, очевидно, посажен кто-то другой, я назвал себя и, в свою очередь, задал обычный в таких случаях вопрос.

Стуки в углу возобновились. Как-то странно и необычно складывалось из этих стуков совсем неожиданное имя:

— Н-е-и-з-в-е-с-т-н-ы-й.

И не успел я как следует осмыслить значение этого ответа, как последовало короткое дополнение:

— В-с-е.

Те, кто долго сидел в тюрьме, знают, какой острый, нервирующий интерес

возбуждает появление нового лица в бедной впечатлениями тюремной обстановке.

Я был смущен и немножко разочарован.

Особенно смутили меня эти тринадцать коротких ударов, которые означали отказ от дальнейшего разговора.

Но тюрьма приучает относиться с уважением к чужой тайне.

В этих тринадцати ударах заключалась какая-то тайна, докапываться до которой у меня не было ни малейшего желания.

Я решил выждать.

Обычное время для всяких разговоров у нас было вечером, после поверки, когда загасят огни и тюрьма официально спит. В это время мертвый камень тюремных стен начинал оживать и наполняться звуками. Во все стороны сквозь камень и цемент стен протягивались по всей тюрьме тоненькие ниточки самых разнообразных стуков. Переплетаясь и перекрещиваясь друг с другом, торопливо бежали эти стуки вверх, вниз, в стороны, словно тысячи кузнечиков внутри камня начинали свою ночную работу. Сознание соединяло их в слова, слова сливались в разговоры, иногда в целые диспуты, иногда даже в горячие ссоры...

Весь вечер я ждал вызова на разговор со стороны таинственного соседа. Не дождался. Ложась спать, поймал себя на мысли, что завтра удастся, быть может, увидеть его на прогулке, быть может даже обменяться взглядами. Стало немножко стыдно за свое любопытство.

Следующий день принес новое разочарование: он на прогулку не вышел. Чорт возьми, ведь можно же, наконец, разговаривать, не засовывая носа в чужие секреты! Я начал стучать в стену настолько настойчиво и упорно, что даже ввел в искушение надзирателя. Неожиданно для меня открылась форточка, в окошечко просунулся длинный надзирательский ус.

— Не стучите!

— Почему?

— Потому!

Дверца форточки заколебалась кверху, готовая захлопнуться.

— Постойте!

— Ну?

— Кто сидит в двести двадцать седьмом?

— Не знаю!

— Ерунда! Ну чего вы боитесь?

Ус скрылся, вместо него протиснулся глаз с кусочком брови, потом снова кончик уса.

— Зовется Неизвестный... Три раны.

Форточка с треском захлопнулась.

Зовется «Неизвестный»... Три раны! Кто он? Откуда? Почему три раны? И почему он с тремя ранами не в лазарете, а в камере?

Тысячи вопросов, один за другим, завертелись в сознании.

Ответа нет. Каменная стена упорно молчит. Неизвестный с тремя ранами сказал: «все».

Вечером перед молитвой кто-то заходил к нему в камеру. Показалось мне или не показалось, будто звякнули шпоры... Долго бубнил чей-то неприятно дребезжащий, старческий голос; чей-то молодой голос отвечал коротко и сердито. Потом стукнула дверь, отчетливо щелкнул замок. Шаги...

Ночью я слышал стоны. Раз... Опять... Еще раз... Неизвестный — три раны! Да... Что с ним? Один, без помощи... Неизвестный... Без имени... Значит, без друзей... Опять стон... еще.

Неделю, — нет больше недели, — я ничего не знал о соседе.

Время от времени, по вечерам до поверки, кто-то заходил к нему в камеру, долго бубнил старческим дребезжащим голосом. Время от времени, по ночам, слышались из его камеры полузадушенные стоны. Но я уже не пытался завязать разговор с соседом, почти потерял интерес к его секретам и, кажется, даже начал уже скучать по Ваське с его забавными и нелепыми приключениями, рассказы о которых помогали нам обоим раньше коротать мучительные часы бессонницы.

Однажды ночью я был разбужен странными звуками.

Прислушавшись к напряженной тишине ночи, я не столько услышал, сколько почувствовал, что неизвестный плачет.

Слышали ли вы когда-нибудь в тюрьме ночью рыданья?

Какая-то слишком перенатянутая струна в моей груди вздрогнула в ответ на эти рыданья, нервы не выдержали, судорога перехватила горло. Я бросился лицом на подушку и до крови закусил руку, чтобы не завыть самому в истерическом взрыве звериной тоски и жалости.

На следующий вечер — в обычное для разговоров время, когда тюрьма официально спит и оживают тюремные стены, — в углу на стенке резко прозвучал вызов.

Я схватил карандаш и застучал в стену.

— Кто?

— Неизвестный. Товарищ, мне скучно. Можно с вами поразговаривать?

— Да.

— Я сегодня ночью плакал. Вы, вероятно, слышали?

— Да.

— Мне немножко стыдно. Это — слабость. Но теперь мне как-то легче. Может быть, это и не плохо, что я плакал. Только стыдно... Мне было тяжело. Теперь легче. Простите, что я говорю об этом. Мне нужно сказать об этом для самого себя. Вам я могу сказать: Я вас знаю.

— Говорите, простучал я, я вас понимаю.

— Я вас знаю, снова повторил он.

— Разве? Ну, а я вас знаю?

— Не знаю. Может быть. Мы встречались.

— Где?

Молчание.

Потом снова стук:

— У меня немного болит рука, но теперь легче. Я могу стучать понемногу. Спокойной ночи...

С этого вечера между нами завязались регулярные беседы.

Просиживая в углу с карандашом в руках целые часы, мы говорили обо всем: о революции, о товарищах, о прочитанных книгах, о пережитом и передуманном, решали мировые вопросы, часто спорили, мечтали о свободе, о будущем...

Никогда, ни разу за все время, мы не коснулись в разговоре ни его личности, ни его прошлого, ни его ран, ни его дела. Когда разговор подходил слишком близко к одной из этих тем, Неизвестный механически обрывал его.

Проходила длинная томительная и тяжелая минута молчания — затем обычная в таких случаях фраза:

— До завтра. Спокойной ночи.

Один за другим однообразно тянулись тяжелые, напоенные зноем, июльские дни. Солнце раскаляло тюремные стены до такой степени, что в груди от дыхания появлялась боль. Задыхаясь от духоты и зноя, сидели мы, тысяча человек, в восьмистах с лишним коробках, стараясь экономить как в движениях, так и в мыслях.

Зато вечером тюремные стены дрожали от стуков, и уже не тысячи, а миллионы кузнечиков трещали внутри камня...

Без всякого предварительного соглашения, мы с соседом строго соблюдали сам собой установившийся порядок и перестукивались только по вечерам.

Но однажды я был вызван Неизвестным в неурочное время.

— Читаю Рукавишникова, — сообщил он мне. — Там в конце, в об'явлениях, кем-то написано: «Циркуляром Министра Юстиции смертная казнь в России отменена навсегда». Что это? Вы не слышали?

— Нет, — отвечал я. По-моему, это — утка. Циркуляром законов не отменяют. Что-то здесь перепутано.

— Я тоже не верю. Но, знаете, какая-то подлая часть сознания все-таки требует веры. Я целый час ходил по камере, прежде чем постучать вам. Совсем размяк от мечтаний. Так вы не верите?

Мне стало неприятно и больно, что я переломил ту соломинку, за которую ему, очевидно, хотелось схватиться.

Я ответил:

— Не знаю. Хотелось бы верить.

— Да, хотелось бы... Когда хочется жить, хочется верить вот именно в такие штуки. Жизнь, знаете, такая нелепость!

Умереть не трудно, только не хочется. И страшно. Идешь, знаете, на верную смерть, знаешь, как дважды два, что умрешь, а зубы все-таки наготове: вдруг удастся отгрызться.

Нужно умереть, хорошо—умру. Перешагну через страх. Но ведь страх-то, ужас-то смерти, все-таки есть, он же не пропадает оттого, что ты эту необходимость выше страха поставил... Вы

понимаете? Никакой бог, никакая идея не может уничтожить этого ужаса, который заключается в смерти. Один чорт! И с богом и с идеей умирать одинаково страшно. Нужно, а все-таки страшно. Мы, революционеры, умирать умеем. Но скажите, разве жертва жизнью становится меньше, когда мы боимся смерти? Наша жизнь нужна? — Хорошо, ведь мы же не торгуемся! Мы идем на смерть добровольно. Но разрешите нам не становиться на ходули, не лгать, что нам не страшно, что нам не жаль жизни, что подлая судорога ужаса перед кусочком секунды, которая кончает жизнь — дело только одних трусов и обывателей. Мы не хотим лгать!..

Знаете, мне рассказывали один случай. Где-то на юге, под Киевом что ли, взорвалась в лаборатории в момент изготовления бомба. Ранила одного товарища. Просто выхватила, знаете, у него все внутренности, разбила грудь, изуродовала лицо и т. д. И вот этот товарищ, — в полном сознании, — умирая и зная, что умирает, хватал костенеющими пальцами руки других и говорил, — слышите? — «Я умираю, мне страшно... Спасите меня, — убейте меня! скорее убейте, мне страшно!.. Я умираю!..»

Вы понимаете, он просит скорее убить его, потому что ему страшно умирать! А!

Вы знаете, я по ночам иногда так малодушествую: плачу. А почему?

Стану вот думать: жил себе такой молодой парняга. Жил — жил и вдруг нет его. Ничего нет, ни парняги, ни окружающего мира, ни жизни, ничего... Сейчас я вот думаю о парняге, а тогда нет ни парняги ни даже мыслей о парняге. Понимаете, его собственных мыслей нет!..

Я вот не могу вам об'яснить, как это, но я все время чувствую, ощущаю: секунда между «быть» и «не быть» заключает в себе тоски на целую вечность. Понимаете, — миг, поворот штепселя, моментальный разрыв контакта, не успеешь не только сказать, даже подумать «раз!» а уже все кончено... В сущности, ведь чепуха, абсурд! Мы живем часы, даже не замечая их, а тут паршивая секунда и какая тоска! Помните вы у Достоевского в «Идиоте»?: Еще долго, еще целых три улицы жить остается до эшафота... Эти проклятые три улицы труднее всего даются в смерти... Или эта последняя десятая доля секунды, когда голова лежит на плахе и все знает и слышит, как шеи касается железо гильотины... Фу, какая чепуха! Десятая доля секунды! И знаете, чем ближе к этой десятой доле секунды, тем ужас все громаднее, громаднее!..

Какой-то резкий звук оборвал конец фразы. Сколько времени прошло до тех пор, как он застучал снова?

— Фу, какая чепуха! — стучал он. Сломал карандаш о стену. Вот нервы!.. А, знаете, ведь в сущности хорошо умереть таким вот парнягой. Жить до старости, по-моему, — это подлость. Я знаю много стариков, но не знаю ни одного, кто прожил бы жизнь как надо. Правильной жизни не бывает. Правильная жизнь — это отвлеченная теория, не существующая в действительности. Но правильная смерть — это абсурд даже в теории. Вы бы могли сейчас умереть?

— Как это?

— Нет, не путем самоубийства, а вот так примерно: кто-то приходит и говорит — через минуту ты умрешь. Минута — ерунда. Мы так богаты, что минут не считаем. Но вот эту минуту пережить, или, вернее, дожить. Вы бы могли?

Я хотел что-то ответить, но Неизвестный перебил меня:

— Простите, я устал. Болит рука...

Вечером на мой вызов он не ответил. А ночью я снова слышал стоны и заглушенные рыданья. То «малодушествовал» Неизвестный.

На следующее утро, сразу же после раздачи кипятку, в углу раздались торопливые стуки.

— Прощайте! стучал Неизвестный. Читайте Гамсуна.

Не успел я ответить, как загремел засов в его камере, и чей-то голос спросил:

— Готов? Ну айда на низ!

Прошла неделя. В соседней камере снова поселился Васька Захаров. Попрежнему по вечерам рассказывал он мне через стенку о своих веселых и смешных похождениях... Попрежнему

по ночам я просыпался в тревоге и, подняв голову, слушал. Сквозь напряженную тишину ночи я слышал далекое храпенье, чей-то хриплый, лающий кашель, чьи то далекие, но гулкие среди безмолвия шаги, чей-то стон...

Попрежнему, завернувшись с головой в одеяло, я молчаливо терзал зубами подушку и думал о Неизвестном парняге.

А днем я читал Гамсуна, тщательно разглядывая каждую букву, анализируя каждое пятно, каждую черточку... — Ничего!

В один августовский, немножко грустный и напоминающий о скорой осени день, когда так хорошо мечтается о жизни и о свободе, я как-то нехотя развернул только-что полученную из библиотеки книгу—одну из последних книг Гамсуна. Прямо передо мною на развернутой странице четко выделялась между буквами надпись:

Неизвестный (раненый на улице) 14/IX В.О.С.[1] приговорен к смертной казни через повешение... Товарищи, все, все, все, прощайте!..

Прощай, товарищ! Прощай, Неизвестный парняга!..

Васька Захаров—вроде тюремный газеты. Он знает буквально все, что делается внутри тюремных стен. Через несколько дней Васька сообщил мне:

— Сегодня ночью взяли Неизвестного. Надзиратель в бане рассказывал... Когда пришли, он спал. Когда его разбудили, он вскочил, начал одеваться и говорит:

— Неужели теперь только три улицы и осталось?

— Как, говорят ему: три? — Почему три?

А он говорит:

— Нет, это у меня свои собственные улицы, о которых я знаю.

[1] Военно-Окружным Судом.

Потом хотел что-то запеть или крикнуть,—Андреев его за руку. Он и говорит:

— Не надо? Ну и не надо.

И пошел. Дошел до двери, остановился и спрашивает:

В окно посмотреть можно?

Ему говорят: Зачем? Сейчас все одно на улицу выйдем.

— А в окно?

— Пожалуйста!

А сами караулят его, как бесы. Он посмотрел, посмотрел в окно, потом повернулся и пошел. Пошел, а у самого слезы кап, кап...

Говорят к нему сам генерал какой-то приезжал: скажи, говорит, свою фамилию,—жив останешься! Отказался.

— Послушайте, Василий! перебил я его. Вы его когда-нибудь видели в лицо? Какой он?

Видел. Высокий такой, как все одно офицер. Волосы стриженые. Глаза огромные. И три раны. Две в руку, и одна в грудь. Так с пулями и повесили.

Он умер — Неизвестный с тремя ранами. Я прожил с ним рядом не мало длинных тюремных часов. Мы говорили с ним обо всем, о чем только можно говорить кончиком карандаша через тюремную стену. Но я знаю о нем меньше, чем о любом случайном знакомом.

Кто он? В тюрьме я никогда его не видел в лицо. Раньше, может быть, видел, может быть даже хорошо знаю его, может быть он...

Я знаю одно. Неизвестный с тремя ранами—умер, и с ним умерла его тайна. И если бы моя память не сохраняла с особой нежностью воспоминание о том, немногом, что я знал о нем, если бы воображение не создало из клочков и обрывков того, что я о нем знал, цельной и яркой картины—я мог бы думать, что все это — только далекий, давно приснившийся, сон.

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА

Годовщина Октябрьской революции имеет огромное значение для рабочего движения не только Советского Союза, но и в мировом масштабе. Эта первая революция, которая имела в виду интересы и нужды широчайших рабочих и крестьянских масс, свершена была большинством населения России и передала власть в его руки. Между тем, все предшествующие революции отличались тем, что они совершались рабочими массами, но всю выгоду от революции извлекали привилегированные группы и классы, главным образом буржуазия.

Первой наметила возможность пролетарской революции Парижская Коммуна. Однако, она, как известно, была разбита и разгромлена, и не дала тех результатов, на которые могли рассчитывать трудящиеся массы. Тем не менее на длительный период времени она служила путеводным маяком для всех последующих революционно-пролетарских движений.

В какой обстановке совершилась наша Октябрьская революция? Это был период наиболее обостренной борьбы между Германией и союзниками. Обе стороны понимали ту огромную угрозу, которую представляла для капиталистического мира революция в России. Они совершенно трезво учитывали неизбежность того, что наша революция убьет войну и в то же время будет началом ряда пролетарских революций, направленных против мирового капитализма. Но разделаться с российской революцией у них не хватало сил. Они были слишком заняты взаимной борьбой для того, чтобы двинуть вооруженные силы для подавления революции в России.

В силу этого враждебные нам буржуазные правительства должны были ограничиваться только тем, что они помогали нашим врагам оружием, военным снаряжением, деньгами, но военной силы дать не могли.

Несмотря на эти благоприятные условия, Советский Союз создавался и организовывался в весьма трудной обстановке. Все наиболее богатые окраины — Украина, Кавказ, Сибирь и проч. — были захвачены врагами, и Советской власти пришлось укрепиться на территории слишком бедной продовольствием и сырьем.

В период гражданской борьбы, требовавшей колоссальных жертв, вставали перед Советским Союзом двоякого рода затруднения; недостаток продовольствия и полное исчерпание запасов топлива и сырья. Отсутствие сырья, топлива и продовольствия порождало неудовлетворительную работу фабрик и заводов, а последнее обстоятельство вызывало, в свою очередь, крупнейшие затруднения в смысле получения продовольствия.

Та небольшая территория, на которой организовалась Советская власть, в продовольственном отношении была чрезвычайно слабой и прокормить всего населения не могла.

Какими принципами руководилось Советское правительство в первый период своей организации? Основу его работы составляла национализация земли, фабрик, заводов, транспорта, монополия внешней торговли, распределение продуктов и изделий среди населения и, наконец, отказ от уплаты царских займов и долгов, которые тяжелым бременем лежали на всей дореволюционной России. В невероятно трудных условиях тогдашнего периода все эти принципы проводились в жизнь постольку, поскольку позволяли это сделать условия и обстановка борьбы. При колоссальнейшем напряжении всех сил страны, удалось отбить вооруженное нападение врагов. Иностранные капиталисты, главным образом, интересовались вопросом об уплате военных и довоенных долгов (внутренних и внешних), составляющих грандиозную сумму в 51 миллиард рублей. При этом все правительства, требующие от нас уплаты военных и довоенных долгов не считаются с тем, что в настоящее время нет ни одной страны, которая платила бы долги и что Советский Союз в экономическом отношении слабее других государств. Этот вопрос является наиболее сложным, который не умеют и не могут разрешить даже самые умные и дальновидные европейские экономисты и политики.

Вторым чрезвычайно важным вопросом, который вызывает бешеную ненависть правительств всего мира, является вопрос о промышленных предприятиях, банках и железных дорогах, национализированных Советской властью. Основные капиталы этих предприятий составляют по довоенной оценке 2½ миллиарда рублей золотом. Они, конечно, не хотят мириться с тем, что из их рук выскальзывают

такие огромные богатства. В течение почти шести лет они предполагали, что им удастся повернуть обратно колесо истории, пока, наконец, не убедились в полной неосуществимости и нереальности этих планов.

Наконец, еще один вопрос привлекал усиленное внимание всего буржуазного мира. Это вопрос о формах организации нашей внешней торговли. Советское правительство выступает объединенным на внешнем рынке через Комиссариат Внешней Торговли. Это дает нам возможность выторговать наиболее льготные условия в нынешней обстановке международной торговли.

Если в первый период времени в силу блокады, применяемой к Советскому Союзу, мы не могли играть существенной роли на внешнем рынке, то постепенно наше значение начинает увеличиваться. Это происходит особенно в силу того, что все экономические и коммерческие связи между отдельными государствами разорваны, международная торговля только начала налаживаться, и участие в ней Советского Союза, даже сильно ослабленного, имело огромное значение.

Все попытки сломить вооруженной рукой Советский Союз и добиться таким образом отмены ненавистных принципов, провозглашенных Октябрьской революцией, окончились полным крахом.

Когда закончилась вооруженная борьба на фронтах, необходимо было немедленно приступить к восстановлению нашего хозяйства. Прежде всего необходимо было изменить продовольственную политику, т. к. сельское хозяйство давало не больше 60% довоенной продукции. Это было наиболее сильным стимулом того, чтобы крестьяне приступили к более широкой запашке земли и восстановлению своего хозяйства. Кроме того, необходимо было как можно скорее приняться за восстановление промышленности, ибо производство промышленных продуктов упало, в среднем, до 15—20%.

Первые годы с 1920 по 1922 год — мы занимались «растопкой котлов» нашей промышленности, вкладывая все новые и новые средства.

В то же время наши представители на всевозможных международных конференциях просили дать кредиты для того, чтобы мы восстановили наше хозяйство. В Генуе и Гааге наши дипломаты указывали на то, что предоставление кредитов в равной степени может интересовать буржуазный мир, как и Советский Союз, способствуя экономическому прогрессу и преодолению сильного послевоенного кризиса. Однако, на всех этих конференциях мы встречались с одними и теми же требованиями — заплатить военные долги и отдать промышленные предприятия, конфискованные революцией, их бывшим собственникам. Ни того, ни другого требования мы, разумеется, не могли и не хотели удовлетворить, и, таким образом, все эти разговоры не приводили ни к чему.

Медленно, упорно, шаг за шагом, Советский Союз в это время занимался восстановлением своего хозяйства. К тому же времени относится восстановление торговых сношений между Советским Союзом и Западной Европой. Первоначально наше разорение было столь велико, что мы должны были закупать большие количества продуктов и изделий за границей и взамен почти ничего не могли вывозить сами. Наши торговые сношения складывались до половины 1923 года таким образом, что мы к нашему вывозу должны были доплатить за два года около 400 миллионов рублей золотом для того, чтобы оплатить иностранный ввоз.

Почему западно-европейский капитал не мог удушить Советский Союз в тот период времени, когда мы переживали такие колоссальные затруднения. Ведь в материальном и военном отношении мы были настолько слабы, что не могли бы вести успешной борьбы с вооруженным до зубов империализмом Европы. Здесь действовали два фактора. Прежде всего, война не позволяла оттянуть с фронтов ни одного корпуса для того, чтобы двинуть его против Советского Союза. Вслед за войной наступило экономическое ослабление капиталистических государств, которое не дало им возможности вмешиваться в чужие дела. Например, мировая добыча угля по сравнению с довоенным временем сократилась на 1/3, а это в огромной степени ослабило все европейские государства.

Во всех отраслях экономической работы давал себя чувствовать жестокий промышленный кризис и застой. В то же время недовольство масс и их революционное настроение усиливалось с каждым днем, выливаясь в форму открытых революционных выступлений. Слишком сильна была тяга к миру для того, чтобы можно было заставить массы итти на новую войну. С другой стороны пролетарские массы Западной Европы открыто выражали свое сочувствие революционному строительству Советского Союза.

1905 г.

НЕМЦЕВ, К. М.
Член Исполнительного Комитета Совета Рабочих депутатов (от Выборгского района).

Массы протестовали против интервенции и попыток задушить нас вооруженной рукой. Это все дало нам возможность широко использовать передышку.

Тов. Ленин в своих речах и выступлениях неоднократно говорил о необходимости «передышки» в борьбе с западно-европейским империализмом. Эту «передышку» он мыслил себе в форме интенсивнейшей работы по восстановлению хозяйства Советского Союза. Чем длительнее будет эта «передышка», тем в большей степени мы сможем ее использовать для возрождения страны. Как представлял себе Владимир Ильич это возрождение. — В форме увеличения работы промышленных предприятий, установления экономических связей между городом и деревней, взаимно дополняющих друг друга, увеличения внешней торговли, стабилизации нашей валюты, сведения бездефицитного бюджета и т. д.

На пятом конгрессе Коминтерна, в своем докладе о достижениях Советской власти, он останавливался на вопросе о нашей валюте, указывал на приостановление процесса быстрого обесценения денег, правда на короткий срок, но и это имело существенное значение.

Что же нам удалось сделать за период «передышки»? Наиболее существенным и важным в смысле восстановления нашего хозяйства является последний 1924—25 год. Значение этого года в том, что мы добились того, что промышленность дала 71% довоенного производства, а на 1925—26 г. намечено уже 95%; сельское хозяйство восстановлено почти в таком же проценте, и на 1925—26 г. должно дать 89% довоенного производства. Урожай 1925 года был около 4.200 миллионов пудов хлеба, что является одной из серьезнейших основ нашего хозяйства и мощным стимулом к усилению внешней торговли.

В 1924 году была проведена денежная реформа. Переход к твердой валюте способствовал росту, усилению нашего хозяйства.

В момент проведения денежной реформы в распоряжении правительства было около 350 миллионов червонных рублей.

К 1 сентября 1925 года денежная масса увеличилась до 1.100 миллионов рублей, т.-е. почти вчетверо. Это сильно облегчило торговые сношения внутри Советского Союза. К тому же и характер этих сношений становится все более благоприятным для Советского правительства. В 1922 и отчасти в 1923 году отношения складывались таким образом, что в торговле частный капитал давал 64% по обороту, а государственный капитал вместе с кооперацией только 36%. В 1925 году государственные и кооперативные обороты составляют около 50%. **Таким образом, частный капитал в области торговли сильно потеснен государственной и кооперативной торговлей.** Таким образом, всего больше усиливается связь между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством, минуя частного посредника.

Кроме того, чрезвычайно важным достижением Советской власти за последний год является увеличение нашего бюджета в абсолютных цифрах, а также его полная бездефицитность. За все прошлые годы у нас был крупный дефицит, который покрывался путем эмиссий и займов. За 1924 — 25 год ни того, ни другого для нужд нашего бюджета не происходило. На следующий год бюджет увеличен на 50%, причем опять-таки не приходится прибегать ни к займам, ни к эмиссии.

Роль нашей промышленности в народном хозяйстве страны сильно возросла по сравнению с предшествующими годами; и сейчас промышленность дает около 37% всего нашего национального дохода. Это соответствует тем от-

ношениям, которые существовали до войны. И в то же время говорит об усилении социалистического начала в нашем строительстве, в противовес частному индивидуалистическому хозяйству.

Сопоставляя все эти данные, т. Троцкий в своей статье, посвященной промышленным перспективам 1925—26 года, приходит к заключению, что усиливаются социалистические элементы в нашем хозяйстве, которые мы противопоставляем индивидуалистическому хозяйству деревни и стабилизации, правда, частичной, капитализма в Западной Европе.

Если бы стабилизация эта происходила только в Западной Европе и не имел бы одновременно места процесс оздоровления и усиления Советского Союза, то мы, несомненно, потерпели бы полный экономический крах и политически не смогли бы удержаться. Капиталистическое окружение задавило бы Советскую Республику. Однако, одновременно с восстановлением капитализма в Западной Европе идет восстановление нашего хозяйства.

Одной из важнейших основ нашего хозяйства является его планомерность, что устраняет опасность перебоев и кризиса. Не даром же в своем докладе на с'езде ученых всего мира по поводу двухсотлетия Академии Наук т. Зиновьев выдвигал плановость нашего хозяйства как одну из мер борьбы против перепроизводства и кризисов.

При восстановлении нашего хозяйства, при полной возможности регулировать его, владея важнейшими командными высотами нашей хозяйственной жизни, мы можем избежать кризисов. Вследствие этого наша страна будет развиваться совершенно нормально, в то время как европейские страны, существованием в них капитализма, обречены на постоянные кризисы и безработицу, которая обостряет революционную борьбу. Как бы ни относилась буржуазия всех стран к Советской власти, она вынуждена итти на торговые соглашения. Не даром такие ученые экономисты, как Кэйнс, Баллод и другие, во время своего посещения Советского Союза, говорили, что Европа не может обойтись без важнейших видов нашего сырья.

В связи с этим стоит факт признания Советского Союза важнейшими европейскими государствами, заключение ряда торговых договоров с Советским Союзом. Все в большей степени отпадают разговоры о военных и довоенных долгах, о возвращении промышленных предприятий, конфискованных волей революции. Европейские и американские хищники начинают понимать, что все это безвозвратно ушло из их рук и что наиболее реальными являются такие политики и экономисты, которые строят все на торговле и нормальных отношениях с Советским Союзом.

Когда рухнули переговоры в Генуе и Гааге, т. Калинин на сессии ВЦИК'а указывал на то, что сейчас надо рассчитывать только на свои силы. Все силы Советской Республики мы направили на хозяйственное восстановление страны.

Правда, этот процесс идет, может быть, более медленными шагами, чем это было для нас желательно, но все же он идет без перебоев. Никакие приостановки в этом отношении невозможны. Факт на-лицо, что без иностранного капитала мы все-таки преодолели колоссальнейшие затруднения и достигли огромных хозяйственных результатов в смысле восстановления своей страны.

Путь для дальнейшего намечен твердо и определенно. Сходить с него мы не намерены. Никакие авантюры нас запугать и увлечь не могут. Советский Союз не примет участия ни в каких военных комбинациях, которые рисуются перед глазами европейского буржуазного мира. Между тем все те противоречия, которые стояли перед капиталистическими державами накануне империалистической войны, так и остались неразрешенными. Тем более колониальные и полуколониальные страны под влиянием революционных событий в России — пробуждаются. В них начинается борьба за национальное освобождение и национальную независимость. Империалистические правительства всех стран стараются представить дело таким образом, что это национальное движение обусловлено агитацией и пропагандой Коминтерна и Советского Союза. Это утверждение совершенно нелепо, т. к. национальное движение в таком огромном масштабе, как движение в Китае, в Индии, на так называемом Ближнем Востоке, в Африке и в целом ряде других стран, не может быть искусственно вызвано, а является результатом тех причин, которые порождает капиталистический строй.

За время с Октябрьской революции 1917 года мы и западно-европейские капиталисты шли по различным путям. Мы пришли к огром-

1905 г.

КОМАР.
Член Исполнительного Комитета Совета Рабочих депутатов (от Орудийного завода).

ному усилению Советской Республики, к колоссальному росту ее влияния и авторитета, при чем мы не отказались ни от одного из тех завоеваний, которые дала Октябрьская революция. Мы считаем, что лозунг пролетарской диктатуры является революционизирующим призывом для всех капиталистических и колониальных стран.

Капиталистические же государства Запада обещали мир всем народам мира, а вместо этого пришли к новым империалистическим войнам и к неразрешимым противоречиям.

Ученые и техники Западной Европы сейчас работают над изобретениями новых орудий смерти и истребления, которые принесут во сто крат бо́льшие жертвы на алтарь империализма, чем во время войны 1914—1917 годов. Все усилия техники и науки направлены на то, чтобы подготовить эту новую войну, сделать ее еще более кровопролитной и более ужасной.

Новым по сравнению с моментом Октябрьской революции является, как мы уже сказали, борьба колониальных и полуколониальных народов за национальное освобождение.

С этой новой огромной силой, выдвинувшейся в течение последних лет, всячески борются представители империалистического мира. Сейчас мы переживаем только первые судороги этой борьбы. Затем она будет становиться все более тяжелой и упорной.

Все сочувствие Советского Союза на стороне этих народов. И Коминтерн организует революционные силы всего мира против империалистических хищников.

Борьба против империализма возможна только в том случае, если в ней будет принимать активное участие пролетариат каждой отдельной страны. Когда Англия и Франция занимаются грабежом в колониях, то противодействовать ему могут только английские и французские рабочие.

Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что Европа вступила в длительный период империалистических войн и пролетарских революций. И для одного, и для другого необходимо существование революционного центра, который мог бы повести массы на революционную борьбу. Этим центром является Коминтерн.

Если до сих пор на всех перекрестках буржуи и социал-соглашатели кричали о том, что пролетарская революция может привести страну только к экономическому разложению, то сейчас мощное развитие Советского Союза опровергает эти басни и настоятельно ставит перед массами вопрос о борьбе за Советское строительство.

Когда приходится оглядываться на пройденный путь и сопоставлять колоссальные задачи, стоявшие перед пролетарской революцией, с ее достижениями, то можно прийти к единственному выводу, что задачи были намечены правильно и пути нашего строительства ведут к освобождению не только российский, но и международный пролетариат.

Р. Арский.

Владимиров.

О ТЕМПЕ РОСТА ХОЗЯЙСТВА СССР.

В настоящее время никто уже не станет оспаривать того факта, что наше хозяйство развивается необыкновенно быстро. Рост советской промышленности на 35% в 1922—23 г.г., на 30% в 1923—24 г.г. и на 60%— в 1924—25 г.г. против 6—8 процентного роста в довоенное время является фактом, к которому можно по разному относиться, различно толковать и об'яснять, но игнорировать который, конечно, невозможно.

При об'яснении факта обычно темп роста после 1921 года сравнивают с темпом падения производственных сил до 1921 года и причиной необыкновенно быстрого развития нашего хозяйства в последние годы — считают необыкновенно быстрое его падение в годы военного коммунизма.

За время войны, в особенности первых лет революции, чрезвычайно сильно истрепался наш производственный аппарат. Нарушение правильного и своевременного ремонтирования уже имеющихся производственных предприятий и полное прекращение оборудования новых весьма сильно отозвалось на наших производственных возможностях. И тем не менее к 1921 году, началу НЭП'а, наши ограниченные производственные возможности и использовались далеко не полностью.

В эпоху гражданской войны и военного коммунизма мы не только разрушали имеющийся производственный аппарат, но, кроме того, не могли еще использовать того, что удалось уберечь от разрушения.

Приблизительно так же обстояло дело и с сырьем. Несовершенство системы распределения во время военного коммунизма привело к тому, что, на-ряду с общим недостатком сырья, почти во всех предприятиях ощущался избыток отдельных видов его. Часто предприятия из-за отсутствия сырья не могли продолжать работу, и вместе с этим какой-нибудь отдельный вид сырья у них находился в избыточном количестве. Таким образом, НЭП получил в наследство от военного коммунизма недостаточно используемые, а то и вовсе неиспользуемые производственные предприятия, равно как неправильно распределенное между отдельными производственными частями сырье. НЭП (как система хозяйства) позволил нагрузить бездействующие предприятия и постепенно, путем стихийного перераспределения, использовать оставшееся от военного коммунизма сырье, что и выразилось в необыкновенно быстром темпе роста наших производительных сил.

Изложенное обстоятельство очень часто принимается за единственную причину переживаемого нашим хозяйством роста. Мы же считаем, что оно, оказывая влияние на хозяйственный рост нашего Союза, все же является не единственной причиной его.

Рост нашего хозяйства является следствием смены системы военного коммунизма системой НЭП'а. Но не только это. В весьма сильной степени он является также следствием ликвидации капиталистических и феодальных отношений. Этого очень часто совершенно не принимают в расчет при анализе нашего хозяйственного развития.

В настоящей статье мы постараемся рассмотреть, какое влияние на темп роста нашего хозяйства оказывает ликвидация феодальных отношений.

**
*

Характерной чертой развития нашего сельского хозяйства является исключительно быстрый рост производства интенсивных, технических культур. Этот рост — не только абсолютный, но и по сравнению с зерновыми культурами—происходил и до войны. Но по темпу он ничего общего не имеет с тем ростом, который происходит в настоящее время. Так, по данным проф. Огановского, снижение посевной площади под зерновые культуры по РСФСР за время с 1901—1905 г.г. по 1913 г. выразилось в 0,8% [1].

В настоящее же время, по данным того же автора, за 3-летие с 1922—24 г.г. снижение доли валового дохода от зерновых культур выразилось в 11,7% [2].

Чем об'ясняется столь сильный темп интенсификации сельского хозяйства?

---

[1] Так, на 100 десятин всего посева приходилось по РСФСР зерновых культур: 1901—1905 г. — 91,6, 1913 г. — 90,8 («Очерки экономической географии»).

[2] Ст. Н. П. Огановского в «Плановом Хозяйстве», № 2, 1925 г., стр. 75.

Многие об'ясняют его так наз. «восстановительным процессом» в сельском хозяйстве. За время войны и первых лет революции производство технических культур упало значительно больше производства культур зерновых. Теперь же, когда происходит ликвидация последствий войны, производство технических культур стремится к своему нормальному уровню. А так как оно от нормального уровня отстоит значительно дальше, чем зерновые культуры, то и темп его роста значительно превышает темп роста этих последних.

Приведенное соображение нельзя отвергнуть, оно бесспорно. Но вместе с тем считать его единственной причиной происходящей у нас интенсификации сельского хозяйства также нельзя. Об этом свидетельствует тот факт, что площадь под всеми техническими культурами 1924 г. превышает таковую в 1916 году на 8% [1].

Таким образом мы видим, что, кроме «восстановительного процесса», есть еще одна причина, энергично толкающая наше сельское хозяйство на путь интенсификации. Мы считаем, что этой причиной является ликвидация феодализма. Феодальные отношения тысячами нитей, часто мало заметных, закрывали от крестьянского хозяйства дорогу к рынку, не давали ему встать на путь товаризации, а следовательно и интенсификации. Господствовавшие помещики, обирая крестьян, задерживали продукты сельского хозяйства в деревне, препятствовали связи ее с городом.

Поэтому теперь, когда от феодализма в деревне не осталось и следа, нашему сельскому хозяйству предстоит быстрый, стремительный рост и не только в смысле количественном, но и качественном, в смысле роста производства на рынок. Эти новые тенденции в сельском хозяйстве реально сказались уже в настоящем 1924 — 25 хозяйственном году. Главным экспортным товаром России, как известно, всегда являлся хлеб. В настоящем же году, вследствие неурожая, мы не только лишились этого дохода, но в течение одного только полугодия принуждены были истратить довольно большую сумму для того, чтобы ввезти из-за границы недостающее количество хлеба.

Однако, несмотря на потерю одной из основных доходных статей, мы смогли удержать от

1905 г.

КИСЕЛЕВИЧ, М. Л.
Член Исполнительного Комитета Совета Рабочих депутатов (Председатель Союза рабочих Печатного дела).

падения размер нашего экспорта больше, чем за все последние годы ввезти из-за границы необходимые нам средства производства, и на 60% расширить промышленность. Мы не смогли бы всего этого добиться, если бы еще не успели сказаться результаты полной ликвидации феодализма.

Несмотря на неурожай, крестьянство смогло купить не только продукцию расширившейся на 60% промышленности, но и все ввезенные из-за границы средства потребления сельско-хозяйственного производства. Средства для этого крестьянство получило от реализации возросшего производства технических культур. Размеры экспорта [1] также почти не уменьшились вследствие того, что, вместо выпавшего со счетов хлеба, сильно возрос экспорт технических культур. Неурожай принес ту пользу, что заставил и крестьян и государство обратить большее внимание на использование сил, которые таятся в сельском хозяйстве, освобожденном от феодализма. Но обнаружившиеся при неуро-

[1] Н. И. Попов. «Итоги хозяйственного года и сельскохозяйственный баланс» (в «Экономическом Обозрении», 1924 г., № 23—24, стр. XXXII—XXXIII).

[1] а следоват. и импорта, ибо платить за ввозимые товары мы можем только тем, что получаем за вывозимые.

жае, эти новые силы не перестанут, конечно, действовать, тогда удовлетворительный урожай восстановит значение зерновых продуктов как в крестьянском, так и в государственном бюджете. Наоборот, увеличив средства государства и крестьян, хороший урожай даст возможность с большим успехом реализовать ликвидацию феодализма. Избавление от феодализма в 1925—26 году скажется еще больше, чем в настоящем.

**
*

Начавшееся использование новых сил улучшает положение сельского хозяйства и вместе с этим ставит его в гораздо большую зависимость от других отраслей народного хозяйства, так сказать от внешнего мира, ибо оно ведет к усилению товарности сельского хозяйства. Следовательно, пробуждающиеся новые силы в сельском хозяйстве будут только тогда иметь реальное значение для него, когда они одновременно явятся движущими силами промышленного развития. И они, конечно, могут ими явиться. Промышленность наша уже в настоящее время получает сильнейшие толчки от сельского хозяйства, толчки, которые в дальнейшем безусловно будут усиливаться. В чем же конкретно эти толчки заключаются?

Прежде всего, в усилении спроса на изделия промышленности. Рост товарной продукции сельского хозяйства усиливает покупательные способности крестьянства, вследствие чего промышленность гарантируется от кризиса сбыта. Больше того, она, несмотря на гигантское расширение, не в состоянии удовлетворить всего крестьянского спроса.

Второе положительное влияние новых процессов в сельском хозяйстве на промышленность заключается в том, что промышленности гарантируется сырье в той мере, в какой оно ей необходимо. На самом деле, ведь новое в сельском хозяйстве заключается именно в усиленном росте культур, которые либо непосредственно идут в качестве сырья для нашей промышленности (лен, шерсть, хлопок, кожсырье и т. п.), либо экспортируются в другие страны, чем дают средства для закупки за границей того сырья, которое у нас вовсе не производится или производится в недостаточном количестве. Наша промышленность гарантирована от сырьевого кризиса, ибо она может расширяться не больше, чем увеличивается покупательная способность главной части населения — крестьянства, а увеличение этой последней происходит путем продажи сельско-хозяйственной продукции, которая прямо или косвенно (через посредство внешней торговли) идет в качестве сырья для промышленности.

Но для роста промышленности, кроме увеличения спроса и сырья, необходимы еще два элемента: рабочая сила и производственный аппарат, или, выражаясь капиталистическим термином, основной капитал.

Что касается рабочей силы, то в наших условиях безработицы с ее стороны расширение промышленности препятствий не встретит. Могут возникнуть затруднения с высоко квалифицированной рабочей силой, но они, конечно, не будут неразрешимы.

Значительно труднее проблема основного капитала. Как уже выше говорилось, начиная с 1921 года до самого последнего времени промышленность наша расширялась за счет использования старых запасов основного капитала. Втягивание в производство старых запасов происходит еще и в настоящее время. Но уже и в настоящее время, на-ряду с наличием в некоторых пунктах бездействующих предприятий, во многих отраслях и трестах ощущается недостаток основного капитала. Уже в настоящее время промышленность не может итти дальше без нового основного капитала.

Между тем, добавочный основной капитал это не то, что добавочное сырье. Сырье появляется вместе с покупательной способностью крестьянина. У крестьянина не может появиться новая покупательная способность, пока он свой продукт не продаст, т.-е. не превратит его в сырье для промышленности. В худшем случае — когда продукт нашего крестьянина представляет собою материальную часть не нашего, а з а г р а н и ч н о г о производства, он превращается в сырье д л я н а ш е й промышленности через, сравнительно, короткий промежуток времени, который нужен для реализации этого продукта за границей и покупки, на вырученные от него средства, сырья для нас.

Но если довольно легко продукт сельского хозяйства превратить в сырье для промышленности, то гораздо труднее их превратить в основной капитал. Для оборудования нового предприятия требуются годы. Если на это тратить средства, получаемые от продажи (за границей) сельско-хоз. продуктов, то может создаться очень сильный товарный голод, ибо покупательная способность крестьянства повы-

сится сразу после того, как оно продает свою продукцию, а промышленные товары на рынке увеличатся только после того, как будет создан новый основной капитал. Поэтому, средства, которые отпускаются на расширение отраслей производящих основной капитал, являются, главным образом, средствами государства, полученные от налогов и т. п. источников.

Правда, можно основной капитал привозить из-за границы, покупая его на средства от реализации продуктов сельского хозяйства. В известной мере это и делается.

Таким образом, средства, получаемые от продажи за границей продуктов сельского хозяйства, идут не только на приобретение сырья для нашей промышленности, но в известной мере и основного капитала. Однако, этот источник увеличения основного капитала имеет свои границы и притом довольно узкие. Импортируемое сырье сразу по прибытии к нам в страну поступает в производственный процесс и создает товар, удовлетворяющий потребность крестьянства. Основной же капитал—более громоздкий элемент производства и поэтому полезный эффект в смысле увеличения производимых товаров дает значительно менее быстро. Поэтому тратить продукты сельского хозяйства на импорт частей основного капитала приходится с большой осторожностью.

Тем не менее, как уже говорилось, можно пополнять и расширять наш производственный аппарат за счет использования новых сил открывающихся в освобожденной от феодализма деревне. Новые процессы в сельском хозяйстве являются, таким образом, весьма солидным фактором в деле реконструкции нашего производственного аппарата.

В этом году они, можно сказать, впервые выявились и то уже дали колоссальный результат. В будущем году, при удовлетворительном урожае, результат будет несравненно больший. Не только повысится покупательная способность населения, не только увеличится обеспеченность промышленности сырьем, но и дело реконструкции производственного аппарата сделает большой шаг вперед. И все же это будет только началом того гигантског роста, который предстоит пережить всему нашему хозяйству, начавшему уже пожинать плоды ликвидации феодализма.

НЭП дал возможность реализовать те производительные силы, которые задерживались системой «военного коммунизма». Зато военный коммунизм сбросил с русского народного хозяйства оковы феодализма и капитализма, этим самым в тысячу раз увеличил значение НЭП'а.

Первое время НЭП исправлял хозяйственные разрушения военного коммунизма. Теперь он этим уж не ограничивается. Теперь он использует то, что приготовил для него военный коммунизм. Но если выполнение первой задачи вызвало колоссальный рост нашего хозяйства,—то выполнение второй—создает такой темп нашего роста, о котором в настоящее время трудно составить даже приблизительное представление.

Но устанавливая гигантски-быстрый темп роста нашего хозяйства, нельзя забывать конкретных трудностей, которые стоят на пути быстрого нашего движения вперед. Им следует посвятить особую статью.

И. Бялый.

1905 г.

Л. Д. ТРОЦКИЙ.
В одиночной камере дома предварительнoого заключения.

На пути к сокровенным глубинам атома.

Катодные лучи.

Еще совсем недавно считалось общепринятым представление об атоме, как о сплошном шаре вполне однородном, являющемся мельчайшей частицей вещества, далее уже неделимой. Эти шарики, различные для различных химических элементов, были совершенно однородны между собою для данного химического элемента. Считалось, что все атомы, например, водорода, как две капли воды похожи друг на друга и все чрезвычайно просто устроены: они совершенно сплошные, шарообразные и ни при каких обстоятельствах далее раздроблены быть не могут. Тут на атомах заканчивалась возможность дальнейшего деления материи; тут ставилась преграда самой природой дальнейшему нашему проникновению в таинственную глубину строения вещества.

Всякая мысль о возможности проникновения в сокровенные недра атома встречала резкое принципиальное возражение по той простой причине, что совершенно отсутствовали эти недра: шарик сплошной и притом абсолютно неделимый, а потому и проникать-то, таким образом, некуда. И тем не менее мы, не колеблясь, ставим заголовок нашей статьи, так как тотчас же начинаем наше путешествие именно вглубь атома. Долгой и трудной дорогой шли исследователи, пока в результате своего странствования они не увидели, как глубоко и резко заблуждались те, кто неделимость атома провозгласил как догму, как нечто основное и непоколебимо истинное. Современная наука после небывало блестящих исследований последних лет окончательно уничтожила и миф о неделимости атома и о его сплошном строении. И разделила она атом на части и указала, что эти части, взятые вместе, дают удивительно сложную систему, целый солнечный мир в миниатюре со своим центральным ядром и рядом планет, с головокружительной скоростью вращающихся вокруг этого ядра — солнца.

И мир бесконечно большой, мир небесных тел и мир исчезающе-малый, мир атомов, построены по одному образцу. Вселенная проще, чем думали. Единство проявляется в большом и малом. Это единство, простота и сведение многообразия к единообразию идет и дальше.

Если, говорила старая наука, атомы одного элемента все совершенно однообразны, то атомы различных химических элементов, наоборот, ничего не имеют между собою общего; они построены из вещества, принципиально различного, и потому никогда и ни при каких обстоятельствах атомы одного химического элемента не могут быть превращены в атомы другого. Атомы водорода между собою все совершенно одинаковы, также как и атомы кислорода между собою тоже совершенно одинаковы, но ничего нет общего между атомами водорода и атомами кислорода.

Материал, из котораго построены те и другие, совершенно принципиально различен, и потому никогда и ни при каких обстоятельствах не удалось, не удается и никогда не удастся превратить один химический элемент в другой. Таких принципиально различных материалов столько, сколько различных химических элементов. И этому взгляду также суждено было в самое последнее время остаться за бортом новых идей и представлений в физике. Все три кита, на которых зиждилось старое мировоззрение, были разрушены наплывом все побеждающих новых идей. И атом оказался разделенным, и не сплошным он предстал пред взором новой науки, и совсем не различными оказались атомы различных химических элементов, а все построенными из единой сущности, но взятой лишь в качестве строительного материала в различных количествах. В одних элементах пошло на постройку атома поменьше этого материала, а в других — побольше. Вот и вся в сущности разница. Так, шаг за шагом, первоначальное поражающее наблюдателя и даже его подчас угнетающее разнообразие и многообразие явлений природы при постепенном внимательном изучении, сменяется простотой и стройностью.

Еще в 1869 году впервые Гитторф наблюдал странное и красивое свечение разреженных газов при прохождении через них электрического разряда, совсем даже не

думая о том, что своими исследованиями он закладывает если не первый камень, то во всяком случае первый камешек в фундамент новой физики, нового мировоззрения.

Дело в том, что уже давно считалось известным фактом, что газы, как таковые, представляют столь большое сопротивление прохождению электрического тока, что по справедливости их относили к классу изоляторов или непроводников. Действительно, электричество с величайшим трудом через них продвигается, и нужна огромная электродвижущая сила, которая побудила бы электричество двигаться поскорее и тем усилила бы продвижение тока, увеличила бы его силу. Правда, было замечено, что если газ разрежается, то условия прохождения элекричества несколько улучшаются. И вот, когда техника дала возможность получать очень большую электродвижущую силу, измеряемую десятками и сотнями тысяч вольт, то дело изучения прохождения электричества черз газы двинулось быстро вперед. Такие приборы, дающие очень высокую электродвижущую силу, называются катушками Румкорфа. Если взять стеклянный сосуд, из которого можно выкачивать газ и который можно наполнять снова любым газом, и впаять в этот сосуд два металлических электрода, две пластинки, обычно платиновые, и соединить эти пластинки с полюсами катушки Румкорфа, то между пластинками начнет проходить электрический ток, и он начнет вызывать чрезвычайно красивое свечение газа. Это свечение будет разно в разных газах, и особенно резко оно будет меняться в зависимости от степени разрежения газа. Эта зависимость характера свечения от величины разрежения газа настолько характерна и настолько хорошо изучена, что опытный наблюдатель прямо по виду свечения может почти безошибочно определить степень разрежения газа. Прямо может сказать, что теперь осталась $^1/_{1000}$ атмосферы, теперь $^1/_{2000}$, а теперь уже $^1/_{5000}$. Так, шаг за шагом меняется вместе с выкачиванием газа и вид свечения, и, наконец, когда разрежение достигает стотысячных и миллионных долей атмосферы, т.-е упругость оставшегося газа измеряется сотыми и тысячными долями миллиметра, свечение резко меняется, и хотя с внешней стороны делается менее эффектным, но зато по существу, по своему внутреннему характеру, приобретает интерес и значение, коих переоценить нельзя—столь они оказались колоссальными для разрешения важнейших вопросов о внутреннем строении атома.

По имени первых исследователей этих явлений приборы для изучения свечения газов при небольших разрежениях называются Гейслеровыми трубками, а те приборы, в которых ведется изучение прохождения электрического тока через очень разреженные газы — Круксовыми трубками, ибо Гейслер и Крукс первые особенно детально изучали эти явления. Обычно, в Гейслеровых трубках, т.-е. при сравнительно небольшом разрежении между электродами протягивается яркая, светлая розовато-фиолетовая дуга, мало по малу меняющая свой характер вместе с дальнейшим выкачиванием газа. Рис. № 1 изображает такую трубку с такою светящеюся дугою.

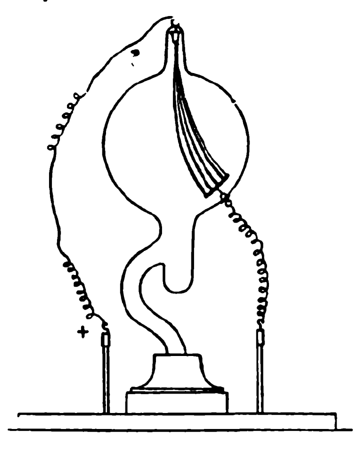

Рис. 1.

Когда же Круксу удалось достигнуть очень большого разрежения, характер свечения резко изменился. Теперь уже не дуга протягивается между электродами, а из катода, т.-е. из пластинки, соединенной с отрицательным полюсом катушки Румкорфа, исходят какие-то таинственные лучи слабого фиолетово голубого цвета, при чем они идут **совершенно перпендикулярным** к поверхности электрода пучком, независимо от положения анодной пластинки (рис. № 2). Эти лучи названы катодными лучами. То

место стекла, куда падают эти лучи, начинает ярко светиться зелено-желтым светом. Такое свечение стекла вызвано, конечно, тем обстоятельством, что на него падают катодные лучи, и называется **флюоресценцией**. И не только стекло они заставляют светиться. Целый ряд веществ, минералов и различных химических соединений, под-

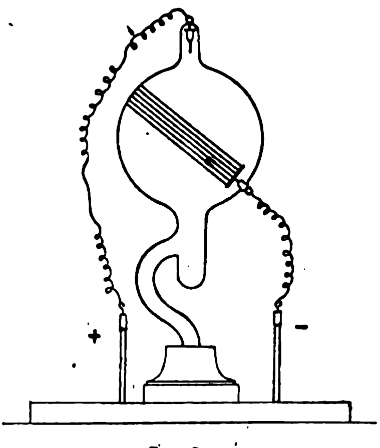
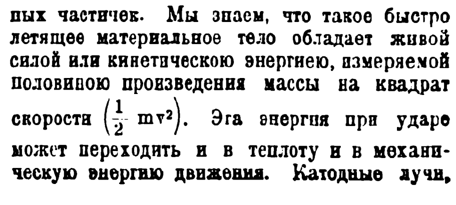

Рис. 2.

вергнутых действию катодных лучей, также приобретают способность светиться самыми различными цветами, т.-е. флюоресцируют. В этой способности вызывать флюоресценцию, т.-е. свечение различных веществ, и состоит первое свойство катодных лучей. Если далее катод сделать вогнутым, вроде вогнутого зеркала, то катодные лучи собираются, как и обычные световые лучи в фокусе и здесь выделяется столь большое количество теплоты, что если в фокусе поставить кусочек платины (рис. № 3), то он не только накалится до-красна, но и может даже расплавиться, а платина плавится лишь при 1.700°.

Таким образом, катодные лучи оказывают резкое тепловое действие. Если на пути катодных лучей поместить легкое вращающееся тело, то катодные лучи, падая на крылышки такой мельницы, способны привести ее в быстрое вращение, т.-е. обладают сверх того и огромною механическою энергиею. Все это показывает, что как будто катодные лучи состоят из быстролетящих материаль-

ных частичек. Мы знаем, что такое быстро летящее материальное тело обладает живой силой или кинетическою энергиею, измеряемой половиною произведения массы на квадрат скорости $\left(\frac{1}{2} mv^2\right)$. Эга энергия при ударе может переходить и в теплоту и в механическую энергию движения. Катодные лучи,

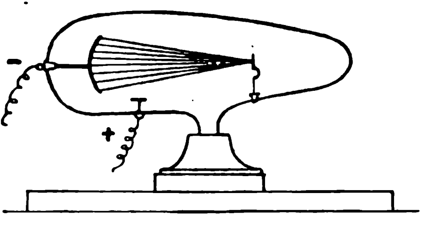

Рис. 3.

падая на фотографическую пластинку, заставляют ее чернеть, т.-е. действуют как лучи света, особенно богатые ультрафиолетовыми короткими волнами. Если катодные лучи пропустить сквозь слой воздуха, то они делают его проводником электричества, или, как это называют, ионизуют газ. На этом важном свойстве катодных лучей нам придется дальше остановиться подробнее. Все эти свойства еще не выясняют вполне природу катодных лучей, но уже заставляют начать сомневаться в правильности данного им названия «лучи». Скорее следует предполагать их состоящими из материальных частиц. И вот, когда Крукс поднес к катодному пучку магнит, то он сразу увидел, что он имеет дело совсем с необычными лучами света. В то время, как обыкновенные лучи света не обнаруживают ни малейшего влияния магнита, пучек катодных лучей резко отклоняется в магнитном поле. Всякое приближение, удаление и движение магнита резко искривляет катодный пучек. Открыв это свойство катодных лучей, Крукс своим гениальным чутьем сразу понял, что здесь материя в каком-то особенном состоянии, что с нею что-то произошло и притом весьма важное: с одной стороны, катодные лучи похожи как будто на обыкновенные лучи света, а с другой—это, несомненно, материальные частицы, заряженные электричеством. И действительно: заставляя катодные частицы проходить между двумя металлическими пла-

стинками, заряженными положительным и отрицательным электричеством, как показано на рис. 4, Крукс увидел, что эти лучи отклоняются от отрицательно заряженной пластинки и притягиваются положительной, т.-е. ведут себя так, как должны вести себя материальные частицы, быстро летящие и несущие отрицательный заряд. По основному

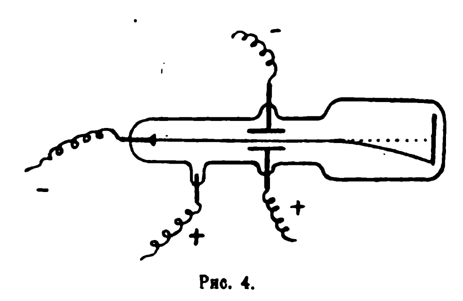

Рис. 4.

закону электростатики одноименно заряженные тела взаимно отталкиваются; например, отрицательно заряженное тело отталкивается другим отрицательно заряженным. А тела, заряженные разноименно, взаимно притягиваются. Таким образом, положительно заряженная пластинка станет притягивать эти отрицательно заряженные частицы катодных лучей. Вот эти-то наблюдения над действием магнитного и электрического полей на летящие частицы катодных лучей и заставили Крукса предположить, что катодные лучи не что иное, как поток отрицательно заряженных частичек, которые представляют собою особое, не твердое, не газообразное и не жидкое, а какое-то четвертое состояние материи. Крукс пророчески восклицал, что здесь мы действительно коснулись той пограничной области, где материя и энергия переходят одна в другую. Я думаю, прибавляет он, что величайшие задачи будущего найдут свое разрешение именно в этой области. И он был прав. Здесь в катодных лучах родился на свет-электрон, величайшее значение которого для новой физики переоценить невозможно. Много раз Крукс и его ученики меняли и газ в трубках и вещество электрода, но всегда и неизменно получались те же лучи, состоящие из тех же отрицательно заряженных частиц. Значит, эти частицы—электроны получаются из всех газов, из любых электродов. Значит, любой газ и любое вещество электрода содержат одни и те же электроды. Значит, в атомах всех веществ уже есть нечто общее, нечто сходственное, и имя этому общему—электрон, т.-е. все вещества построены из таких составных частей, из которых одна-то уже наверное всюду и всегда одна и та же. Не так уже принципиально, следовательно, различны между собою материалы, которые пошли на постройку того или иного атома, как казалось это еще совсем недавно.

Дальнейшие исследования должны были подтвердить основные предположения Крукса относительно природы катодных лучей. Мало сказать, что это отрицательно заряженные частицы; мало показать, что это предположение хорошо об'ясняет все свойства катодных лучей: надо непосредственно доказать, что эти частицы несут действительно отрицательный заряд электричества. И вот Перрен производит свой знаменитый опыт, непосредственно доказывающий, что катодные лучи суть быстро летящие частицы, несущие отрицательный заряд. Рис. 5 дает схему опыта Перрена. Из катода *К* лучи попадают в металлическую коробку *А*, соединенную с электроскопом *В*. Коробка *А* заряжается от электронов электричеством, которое передается электроскопу, и здесь уже исследуется наблюдателем. Оказалось, что заряд электроскопа действительно отрицательный (рис. 5).

Таким образом, природа катодных лучей была раскрыта: это быстро летящие материальные частицы, несущие заряд отрицательного электричества. Но аппетит приходит во время еды. Такая постановка вопроса не могла удовлетворить ученых, ибо тотчас возникли еще новые и новые дальнейшие вопросы. Вы говорите: быстро летящие, но скажите, какова же их скорость? «Несущие заряд отрицательного электриче-

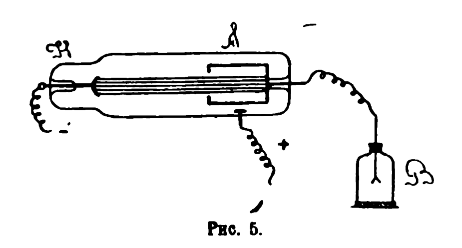

Рис. 5.

ства»? Каков же этот заряд, и всегда ли он один и тот же? И, наконец,—и в этом центр и кульминационный пункт всего интереса: если частицы материальны, то потрудитесь определить эту массу и сказать, какова она в сравнении с атомами и молекулами?

Долгий и трудный путь прошли ученые, прежде чем они сумели ответить на все поставленные вопросы. Однако, в результате блестящих и гениальных исследований мы имеем точные и ясные ответы на все поставленные вопросы. Еще одна тайна раскрыта, еще, и на этот раз уже на не малое число шагов, мы продвинулись к окончательному разрешению вековечной загадки строения вещества.

К сожалению, далеко последовать по пути, приведшему ученых к разрешению всех выше поставленных вопросов, мы не можем, ибо тотчас же встретили бы колючую проволоку из математических формул, перерезать которую далеко не все в силах, но все же дать намек на этот путь можно так же, как мы в состоянии познакомить всех с окончательными выводами в этом направлении.

Существует известная аналогия между отклонением от прямолинейного пути быстролетящих электронов под влиянием магнитного или электрического полей и том отклонением, которое испытывает всякое горизонтально брошенное тело под влиянием силы тяжести. Этот последний случай очень хорошо изучен в механике, и связь между скоростью полета, силой тяжести и массой того или другого тела установить удалось очень точно. Приблизительно тем же путем шли исследователи и, связав массу частиц, их заряд и скорости с силами магнитного и электрического полей, а также приняв во внимание дополнительно еще некоторые соображения, удалось в конце концов определить все интересующие нас величины. Особо следует подчеркнуть огромной важности работы по определению этих величин Джозефа Томсона, первого непоколебимо точно выяснившего истинный характер электрона. Скорость электронов оказалась совершенно исключительно огромная—она доходит до $^2/_3$ скорости света, т. е. до 200.000 *км* в секунду. Если вспомнить, что наиболее быстрые снаряды и пули едва-едва обладают скоростью 1—2 *км* в сек., что сама земля мчится лишь со скоростью 30 *км* в сек., то размер скорости электронов, действительно, оставляет позади все известные нам скорости материальных тел.

Заряд отдельного электрона, как и следовало ожидать, получился исключительно малый. Он всего на всего $1,6 \times 10^{-19}$ кулонов. Напомним читателям, что за единицу силы тока принимают 1 ампер, что это такой ток, который проходит по проводнику, когда к концам этого проводника приложена электродвижущая сила в 1 вольт, а самый проводник обладает сопротивлением в 1 ом. Когда по проводнику проходит ток, то через поперечное сечение проводника каждую секунду проходит определенное количество электричества так же, как через водопроводную трубу протекает в каждую секунду определенное количество воды. Это-то количество электричества и измеряется кулонами. И когда по проводнику идет 1 ампер—это значит, что каждую секунду через поперечное сечение проводника протекает 1 кулон электричества. Каждый электрон несет на себе лишь $1,6 \times 10^{-19}$ кулонов.

Постараемся дать понятие о том исчезающем малом количестве электричества, которое несет каждый электрон, воспользовавшись существующим тарифом на электрическую энергию. Предположим, что читатель зажег 16-ти свечную электрическую лампочку, тогда за каждую секунду ее горения платят 1/10.000 коп. (одну десятитысячную). Когда горит лампочка, через нее проходит ток и каждую секунду проходит определенное количество кулонов, определенное количество пробегает электронов. Так вот за одну секунду, за плату в 1/10.000 коп. пробежит столько электронов, что если бы читатель захотел их сосчитать и считал бы по два электрона в секунду, позвал бы на помощь всех жителей Ленинграда и все они вместе считали бы, не останавливаясь, чтобы поесть, поспать и умереть, то им потребовалось бы для окончательного подсчета всех электронов, пробежавших в одну секунду через лампочку и стоивших 1/10.000 коп., не больше и не меньше, а ровно 50.000 лет. Так мал и потому так дешево ценится электротоком заряд одного электрона. И еще есть люди, считающие тариф на электрическую энергию чрезмерно высоким!

Самые, однако, важные и интересные данные получились относительно массы электронов.

Масса электрона получилась, примерно, в 2.000 раз меньше массы атома водорода, самого легкого и самого маленького.

(Более точное число: 1/1845 атома водорода). И если вспомнить, что электроны всегда получаются одни и те же, каким бы газом ни была наполнена Круксова трубка и из какого вещества не был бы устроен катод, то ясно, что электроны представляют собою ту универсальную частицу, которая входит, как составная часть, решительно во все атомы, тем самым об'единяя то, что считалось принципиально различным — именно об'единяя атомы всех химических элементов.

Правда, при определении всех вышеназванных величин, как выше было упомянуто, приходилось вводить кой-какие добавочные определения; поэтому понятно, сколь было важно произвести непосредственно определение хотя бы величин заряда отдельного электрона, так как в этом случае остальные величины можно было бы определить еще точнее, еще увереннее.

Едва ли не самой блестящей страницей экспериментальной новой физики явились бессмертные работы американского ученого Милликэна, сумевшаго определить непосредственно заряд каждого отдельного электрона.

В опытах Милликэна между двумя металлическими пластинками (рис. 6) создавалось электрическое поле благодаря заряду пластинок. Верхняя заряжалась положительно, нижняя—отрицательно. В пространство между пластинками помещались в взвешенном состоянии мельчайшие частицы, как, например, пылинки, шарики масла в чрезвычайно распыленном виде и пр.

Этим частицам придавался отрицательный заряд. Тогда наступало следующее любопытное явление. Частица, под влиянием силы тяжести, стремилась, хотя и медленно, но падать вниз. Однако в силу того же электростатического взаимодействия, о законе которого говорилось выше, та же пылинка, имея отрицательный заряд, отталкивалась нижней металлической пластинкой (одноименные заряды отталкиваются) и притягивалась верхней (разноименные притягиваются).

Можно было так подобрать заряды пластинок, что данная частица совсем не двигалась ни вверх, ни вниз. Это, очевидно, наступало тогда, когда сила тяжести, действовавшая на частицу, уравновешивалась обратною силою—электростатической. Если эта пылинка освещалась сбоку, то можно было целыми часами наблюдать ее в микроскоп в виде блестящей точки, неподвижно висящей в воздухе. Однако время от времени с этой частицы (пылинки, шарика и пр.)

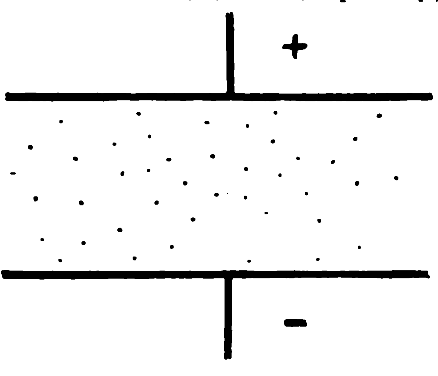

Рис. 6.

соскакивал заряд электричества, и тогда она, испытывая прежнюю силу тяжести, но меньшую уже электрическую силу (так как ее заряд уменьшался, а сила электростатического взаимодействия пропорциональна заряду), начинала снова медленно опускаться. Тогда можно было усилить электрическое поле, увеличив заряд пластинок, и снова удержать частицу в равновесии. Зная вес пылинки и зная, на сколько надо увеличить было поле, можно было высчитать тот заряд, который пылинка теряла. Оказалось (и в этом главное значение опытов Милликэна), что пылинка всегда теряла заряды так, что с нее соскакивал или один электрон, или два, или, словом, целое число электронов. Помимо того, что удалось точно определить заряд электрона, с несомненностью было доказано, что электрон несет на себе самый наименьший возможный заряд электричества, что электричество не является чем-то непрерывным, что может делиться на сколь угодно малые частицы, а что оно состоит из отдельных элементарных частиц так же, как и материя: оно имеет атомное строение. Электрон и есть

атом электрической энергии, а так как электрон одновременно обладает и массой и энергией, то общность обеих сущностей материи и энергии здесь наиболее ярко и рельефно видна. Более подробно о новых взглядах на материю и энергию в связи с теорией относительности Эйнштейна см. «Красный журнал для всех», октябрь, 1924 г. мою статью.

Ни разу и никогда не удалось подметить, чтобы заряд частицы не был бы кратным заряду электрона. Никогда не наблюдался заряд в половину или в четверть заряда электрона, или в полтора, в два и три четверти и т. д. заряда электрона. Заряд электрона наименьший и дробиться, делиться дальше не может. Электрон образуется при раздроблении атомов вещества, и так как у всех атомов всегда получается один и тот же электрон, значит, все атомы его содержат, он является той общей частью атомов, которая всех их роднит между собою. С другой стороны, впервые в катодных лучах доказана возможность существования частиц меньших, чем атом. Впервые пред глазами человечества произошло «чудо»: атом неделимый разделился на части, и такая часть неделимого—электрон преспокойно стал существовать самостоятельно. Эти опыты Милликэна имеют любопытное значение и вот еще в каком смысле. Зная заряд пылинки и силу электрического поля, можно было обратно вычислить ее вес и здесь пред исследователями открылась возможность дойти в определении веса до совершенно фантастической степени точности. Удалось уловить пылинки, вес которых определился с точностью ни больше, ни меньше, как до одной десятимиллиардной доли грамма, тогда как Рамзай, построив свои изумительные микровесы для определения чрезвычайно малых количеств вещества, сумел дойти лишь до одной миллионной грамма.

Так, с головокружительной быстротой совершенствуется техника физических измерений.

Вопрос о возможности лишить электрон его заряда—есть вопрос величайшей важности. Споры в этом отношении и всевозможные опыты продолжались очень долго, и в настоящее время, повидимому, приходится окончательно прийти к признанию здесь правильности Эйнштейновского взгляда на материю и энергию. Электрон не может быть разряжен, не может быть лишен своего заряда, не может быть электричество раз'единено с материей по той простой причине, что оно составляет здесь единую сущность, что масса электрона есть масса той энергии, которую он заключает, или, что все равно, его электрическая энергия проявляет определенные свойства массы. Здесь обе сущности, материя и энергия, слиты воедино, как того и требует представление о материи и энергии, даваемое теорией относительности Альберта Эйнштейна.

Положительные или каналовые лучи.

Итак, можно предполагать, что под влиянием огромной разности потенциалов на пластинках, впаянных в Круксову трубку, под влиянием колоссальной электродвижущей силы, даваемой катушкой Румкорфа, остатки газа внутри трубки Крукса претерпели какое-то изменение. Атомы газа разрушились, разделились на части. Такое распадение атомов носит название диссоциации или ионизации. Продукты распада называются ионами. С одним таким продуктом распада, или ионом, мы только что познакомились. Это ион, заряженный отрицательным электричеством, названный электроном. Спрашивается, что же теперь случилось с остальным атомом, когда от него откололся электрон и начал свое независимое существование?

Ясно, что следует ожидать, что вся остальная масса атома, если ей суждено продолжать свое существование, как единому целому, должна иметь такой же по величине, но противоположный по знаку, заряд электричества, так как должна нести заряд положительного электричества, равный по величине заряду электрона, ибо обе эти части в случае соединения между собою должны дать снова нейтральный, не положительный и не отрицательный атом, а это возможно лишь в случае наличия двух равных по величине, но противоположных по знаку зарядов составных частей. Можем ли мы наблюдать эти остатки атомов, лишенных электронов, и будут ли они обнаруживать положительный заряд?

Действительно, уже сравнительно давно обнаружено их существование в следующем опыте.

Когда в металлическом катоде были проделаны отверстия, ряд каналов (рис. 7), то сразу заметили, что кроме катодных лучей,

в противоположную сторону сквозь каналы в катоде тянутся светящиеся пучки лучей, с внешней стороны мало отличные от катодных лучей. Эти закатодные лучи, или, иначе называемые, каналовые или положительные лучи, при ближайшем их изучении оказались полною противоположностью потоку электронов, составляющих катодные лучи. Правда, они также вызывают флюоресценцию стекла, вызывают фотографические и тепловые действия, отклоняются в магнитном и электрическом полях. Однако, эти отклонения диаметрально противоположны отклонениям катодных лучей. Изучение отклонений сразу же обнаружило истинную природу этих лучей, а опыты Вина, проведенные аналогично вышеупомянутым опытам Перрена над катодными лучами, подтвердили первоначальные предположения.

Каналовые лучи оказались состоящими из материальных частиц, заряженных положительным электричеством, при чем заряд оказался по абсолютной величине в точности равен заряду электрона, но противоположного знака. Измерения скорости дали много меньшие величины, чем для катодных лучей. И если скорость электронов в катодных лучах порядка 200.000 *км*/сек., то здесь скорость порядка всего нескольких тысяч километров в секунду. Самые интересные результаты относятся к измерению массы частиц, из которых состоят каналовые лучи. Как помнит читатель, электроны получались всегда одни и те же, независимо от атомов вещества, откуда они образовались. Наоборот, частицы положительных, каналовых лучей получаются совершенно различные в различных газах. Все они представляют нечто иное, как атомы соответствующих газов, от которых попросту откололся электрон. Итак, в силу прохождения через газы тока высокого напряжения, атомы разрываются, раскалываются на части. Одна часть — электроны, летят в катодных лучах, другая —

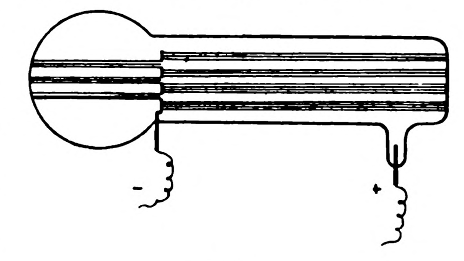

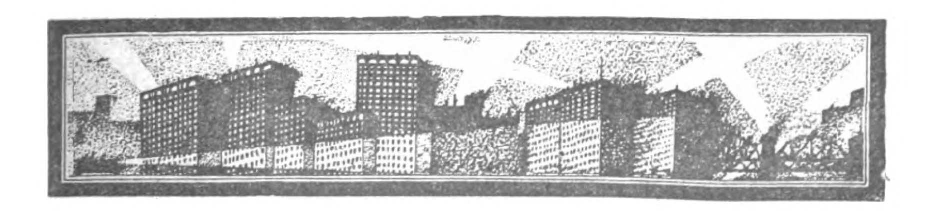
Рис. 7.

положительно заряженные остатки, движутся в противоположном направлении в каналовых лучах.

Таким образом, результат всех этих исследований следующий: атом представляет собою сложное тело, могущее под влиянием разрядов высокого напряжения распадаться на составные части, или ионы, части, заряженные противоположными электричествами. Отрицательный заряд несет ничтожная часть атома — электрон, составляющий всего на всего 1/2.000 часть атома водорода. Положительно заряженной оказывается вся остальная часть атома, лишенная лишь электрона. Таково в первом приближении к истине строение атома.

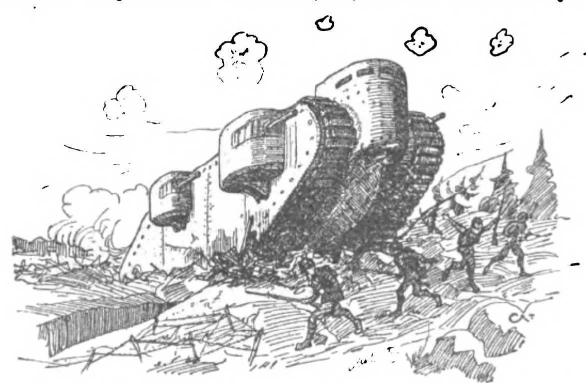
Проф. С. В. Серков.

(*Окончание следует*).

ВОЙНА БУДУЩЕГО.

Проповедуя мир, созывая конференции разоружений, буржуазные государства ни на минуту не забывают о войне. Иностранные правительства ассигнуют громадные средства на усиление военного могущества своих стран, напрягая в этом направлении всевозможные усилия. За стенами всевозможных лабораторий и опытных мастерских виднейшие ученые и инженеры подготовляют новые ужасные взрывчатые вещества, ядовитые газы, машины, механизмы, приборы и орудия всех видов для наилучшего истребления человечества. Работы эти, ведущиеся самым усиленным темпом, окружены покровом строгой военной тайны; и сказать, каких этапов достигло развитие военной техники во всех разнообразных ее областях, почти немыслимо. Одно можно отметить — грядущая война готовит человечеству испытания, во много раз превосходящие те, какие принесла с собой мировая война 1914 — 1918 годов. Живая сила, организованная в регулярные войсковые части, уже в мировую войну начала отходить на задний план, давая дорогу новому фактору военной силы—механической боевой силе. Так, разведку стал делать аэроплан; атаки стали осуществляться при помощи танков; войсковая часть, не снабженная достаточным количеством пулеметов и не защищенная артиллерией, перестала быть боевой силой в полном смысле этого слова. Всевозможные укрепления совершенно утеряли свое былое значение, не будучи в состоянии противостоять огню новейших осадных орудий: так в 12 дней пала сильнейшая крепость Европы—Антверпен, последнее слово инженерного искусства. 1914—1918 годы выдвинули на сцену новое средство взаимного уничтожения — химическую войну, которая по своему разрушительному действию не имеет себе равной в военной истории. Союз химии и авиации перевернул все основы военной стратегии и тактики: тыл вплотную пододвинулся к фронту; границы полей сражений безконечно раздвинулись, и каждый мирный гражданин воюющих стран может оказаться под угрозой смерти, а жизненные центры, отдаленные от границ на тысячи верст — под угрозой разрушения.

Танки будут врываться на чужую территорию, сея кругом смерть и разрушение.

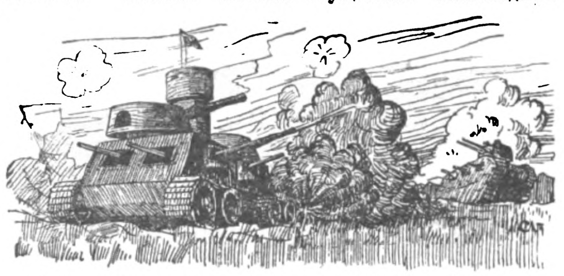
Конечно, описать сейчас более или менее точно картину сухопутного, морского или воздушного боя в войне будущего (через 3—5— 10 лет) — почти невозможно; техника военного дела гигантскими шагами идет вперед, расширяя старые и открывая новые области; но уже установившийся путь военной мысли, отзывы наших и заграничных экспертов и отрывочные данные иностранной специальной печати—правда, весьма скупые — ясно показывают, что машинно-воздушно-химическая борьба будущего совершенно исключит живую силу, сухопутную армию, как средство боя, оставив ей лишь второстепенные задачи — оккупация занятых областей, административная и полицейская служба и пр. Бой в прямом смысле этого слова будут вести небольшие кучки специалистов, до зубов вооруженных новейшим техническим оружием. Во весь рост вырастет значение танка, артиллерии; развернутся авиация, воздухоплавание, химия, методы бактериоло-

…ческой войны и прочие, еще неведомые …, но по всем данным ужасные, средства. Что же может ждать человечество при возникновении новой бойни во славу капитала? Какие новые адские машины будут брошены на поля сражений? Какие еще силы природы будут утилизированы для наивыгоднейшего» уничтожения сотен тысяч и миллионов людей? Рассмотрим вкратце современные средства борьбы, применявшиеся в последней войне, рост их по настоящее время и вероятные достижения этих средств в ближайшей мировой схватке; правда — последнее будет фантазией, но наверное очень близко стоящей к истине.

Танки

В империалистическую войну военная мысль вызвала к жизни новое могучее средство борьбы — танки, представляющие из себя бронированное сооружение, двигающееся при помощи мотора на гусеничной или колесо-гусеничной передаче. Эта передача давала возможность танкам легко пробираться через окопы, канавы, проволочные заграждения и любые искусственные и естественные препятствия, легко прорывая передовую цепь противника и губительно действуя в самом расположении его частей (см. рис. 1). Танки вооружались 1—2 орудиями мелкого калибра и пулеметами; эти „сухопутные броненосцы", чересчур тихоходные и мало бронированные, оказались легко уязвимыми и массами выводились из строя своим главным врагом — артиллерией. Так, из 324 танков, брошенных в аттаку союзниками осенью 1917 года, погибло около 110. К числу крупных недостатков танков старого образца надо отнести их малый район действия, требовавший нахождения вблизи расположения фронтов складов с горючим, мастерских всякого рода и т. п., утяжелявших армию и лишавших ее подвижности.

Учтя недостатки нового рода оружия, военные техники успешно занялись усовершенствованием танков после войны; бронирование увеличили, равно как и скорость и район действия; отрывочные сведения заграничной печати сообщают, что в настоящее время работы и опыты над танками продолжаются самым усиленным темпом; уже выработаны машины, по быстроте вполне заменяющие конницу; сделаны опыты установки на танки орудий более крупного калибра и т. п. Будущая война выдвинет новые типы танков, снабженных мощной артиллерией, которые будут вступать в артиллерийский поединок с себе подобным противником или врываться на чужую територию, сея кругом смерть и разрушение (см. рис. 2). Эти новые танки, как и современный военный флот, будут подразделяться на типы, или классы, имеющие совершенно определенное назначение; так, более медленные, тяжело бронированные и вооруженные машины будут представлять из себя главную силу — танки линейного боя; машины разведочные — быстроходный легко бронированный тип, с средней артиллерией и т. д. Быть может военная техника осуществит земноводный

Танки будут вступить в артиллерийский поединок...

танк, соединяющий в себе данные военного судна и сухопутной машины. Появление при поддержке флота нескольких десятков таких чудовищ в глубоком тылу противника легко может решить исход целой кампании.

Артиллерия

На-ряду с танками быстро идет вперед техника артиллерии и автоматического оружия. Уже известны береговые гиганты, посылающие снаряды весом более 60 пудов на расстояние до 300 верст. К артиллерии тоже применили гусеничную установку, осуществившую для самых крупных пушек проход по совершенно изрытым и неровным местностям. Работы по усовершенствованию этих установок, по увеличению дальности стрельбы и веса снарядов ведутся непрестанно. В Америке недавно перешли на новую систему артиллерийской прибрежной обороны — американцы отказались от укрепления каких-либо определенных пунктов, а установили по всей прибрежной черте сеть

железнодорожных рельсов; по этим рельсам крупнейшая береговая артиллерия, на особых самодвигающихся установках, может в любой данный момент сконцентрировать в нужном месте необходимое число боевых единиц, снабженных самыми усовершенствованными маскировочными сооружениями. Во Франции только что сконструированы новые 12″ морские орудия, по дальности стрельбы превосходящие самые новейшие 15″ пушки.

Смертоносные лучи, предающие пламени все встречающееся на их пути.

В Германии работают над снарядами, снаряженными неизвестным нигде взрывчатым веществом необычайной мощности.

На-ряду с этим более мелкая полевая и горная артиллерия тоже не стоит на одном месте; так, в Америке только что закончены испытания по двум пушкам мелкого калибра, 37 м/м. полевом и 75 м/м. мортир. Вес орудий облегчен почти вдвое, при увеличении дальности и скорости стрельбы в $1^1/_2$ раза. Известный английский конструктор Браунинг недавно изобрел новое автоматическое 37 м/м орудие, заряжающееся обоймами; опыты показали громадную скорость стрельбы нового автомата и крайнюю живучесть пушки, стрелявшей без отказа в любых положениях при самой неблагоприятной обстановке. Пушку легко переносит 1 человек. Корректировку стрельбы на больших дистанциях осуществили при помощи самолетов и радиопередачи; стрельба же по воздушным целям, достигающая до 6 верст высоты, направляется особыми приборами, точно определяющими по звуку летящего аппарата высоту его полета, место в данный момент и скорость полета. Перечесть все достижения современной артиллерии почти невозможно; одно можно сказать: что в грядущей войне она будет играть громадную роль и что последнее слово артиллерии далеко еще не сказано.

Пулемет тоже развивается быстрым темпом: его облегчили, увеличили дальность и скорость стрельбы. Выяснено, что 1.000 человек, вооруженных 500 современными пулеметами Максима, развивают такой же огонь, который получается при стрельбе 20.000 бойцов, вооруженных скорострельными ружьями. В последней войне пулемет сыграл первенствующую роль; им снабжались даже самые мелкие части, до звена включительно; в грядущей схватке каждый солдат будет снабжен ручным пулеметом, взамен уже отживающей винтовки.

Воздушные силы

В начале войны на авиацию смотрели как на вспомогательное средство для чисто разведочных целей. За период 1914—1918 годов авиация делает громадный скачек вперед, и уже к текущему моменту основным факторам войны — армии и флоту — приходится потесниться и дать место рядом с собой новому могучему союзнику и врагу — воздухфлоту— и разработать планы совместных с ним действий и обороны от воздушной опасности. Достижения в области авиации и воздухоплавания громадны; все увеличивающаяся скорость и грузопод'емность воздушных единиц, как уже указано выше, бесконечно расширили район военных действий и поставили под угрозу нападений самые отдаленные от фронта жизненные центры страны. Аппарат, могущий продержаться в воздухе без спуска около 2-х суток, покрывающий за это время расстояние свыше

6.000 километров (Москва—Париж—Москва, с большим запасом) и сбрасывающий в любом месте своего пути бомбы свыше 150 пудов весом — заставил изыскать способы обороны от столь внушительной воздушной опасности; развивается новое маскировочное дело, люди уходят под землю; рождается зенитная артиллерия; суда сверху закрывают свои жизненные части толстой броней и пр. и пр. Самолет, несущий кроме бомб и ядовитые газы — наиболее ужасный противник грядущей войны: сотни тысяч мирных жителей найдут смерть от налета десятка воздушных гостей, не ожидаемых в тысячах верст от места боя. Громадные дирижабли будут перебрасывать войска, грузы и артиллерию в глубокий тыл противника; неся на себе целые эскадрильи аэропланов-истребителей, забронированные и вооруженные многочисленной артиллерией, они смогут успешно обороняться от нападения более легких и подвижных стальных стрекоз-самолетов. Для осуществления борьбы с воздушной опасностью Запад мобилизовал все научные и технические силы, поставив изобретателей в наилучшие материальные и служебные условия. Слухи о достижениях в этой области частично достигли и до нас: так, в Англии изобретена смертоносная ракета, посылающая в воздух дождь расплавленного металла, пробивающего даже металлические части самолетов; в Америке и в Англии идут опыты над какими-то неведомыми лучами, разрушающими и предающими пламени все встречающееся на их пути (см. рис. 3); в Америке говорят о каком-то новом изобретении, останавливающем моторные двигатели с самых больших расстояний и пр. В воздушной войне будущего широко будут применены дымовые завесы; уже теперь аэропланы выпускают завесу любой длины, высоты и ширины, по желанию тащат ее за собой или оставляют неподвижной. Скрываясь за этими завесами, самолеты будут оберегаться от огня противника и выныривать из густого тумана только для кратковременной и внезапной атаки.

Химическая и бактериологическая войны

В грядущей схватке наиболее ужасными, по губительности и неисчислимым последствиям, будут химические и бактериологические методы войны. Задыхающиеся, ослепленные покрытые нарывами и язвами, плачущие или хохочущие бойцы будут гибнуть тысячами от неосязаемого врага. Горе незащищенным! Горе не имеющим предохранительных масок! Не снабженный противогазами боец сразу найдет верную смерть,

Эти бойцы в страшных одеяниях, окутанные волнами отравленнаго воздуха...

а в лучшем случае останется после долгого лечения на всю жизнь калекой. Защищаясь от ядовитых туманов, люди на полях сражений оденутся в непроницаемые костюмы, закроют голову шлемами, соединенными с кислородными резервуарами; вид этих современных бойцов в странных одеяниях, окутанных волнами отравленного воздуха, выпускающих, в свою очередь, в сторону врага смертоносные газы из приборов самых разнообразных систем (см. рис. 4) — ничем не напомнит картину древних боев, где на поле брани встречались в поединке знаменитейшие воины, соперничащие друг с другом неустрашимостью, силой и ловкостью. Винтовка и пулемет сменили уже давно ме-

чи и копья; но теперь и это оружие постепенно теряет свое значение, уступая дорогу могучему, ужасному и действительно смертоносному средству войны — газу.

Но пустив в ход химические средства, военная техника не остановилась на этом, казалось бы, последнем этапе современного боя; заграничная пресса сообщает об изобретении особых бактериологических бомб, сделанных из стекла и заключающих в себе сотни миллиардов бактерий всевозможных эпидемических болезней — чумы, сыпного тифа, холеры и пр. — или зародышей насекомых, уничтожающих посевы и всякую растительность. Это „последнее слово науки“ самое бесчеловечное из всех вышеописанных способов взаимоистребления, как направленное против мирного тыла и подвергающее целые области в сотни и тысячи верст эпидемиям всякого рода, голоду и нищете.

Война на море

Спор заграничных военно-морских специалистов о первенствующем значении линейного или подводного флотов разрешился к настоящему моменту в сторону надводных тяжелых морских единиц—линкоров. Но эта победа безусловно временная. Элементы подводных лодок непрестанно усиливаются — растет их тоннаж, вооружение, скорость и район действия. Уже известны проекты германского профессора Фламма по постройке подводных единиц водоизмещением до 8.000—9.000 тонн, с артиллерийским вооружением в бронированных, вращающихся башнях, с громадным числом минных аппаратов и с районом действия не менее, чем у подводных крейсеров; тот же Фламм предложил проект подводного минного заградителя, берущего на борт до 1.000 мин. заграждения. По слухам, эти проекты частично получили осуществление в японском флоте; как противовес этому Америка закладывает какие-то таинственные подлодки, о которых известно только то, что они по своим данным превзойдут все доныне достигнутое в этом направлении. Англия, нынешняя владычица морей, тоже всемерно усиливает свое подводное судостроение; ее только что вошедшая в строй подлодка X—I, с орудиями в башнях, большой скоростью и большим крейсерским радиусом, к настоящему моменту представляет величайшую в мире подводную единицу. Недавнее судно чисто опытных и вспомогательных целей, подлодка, постепенно приобретает крупнейшее значение, и громадная роль ее в ближайшей морской войне не подлежит никакому сомнению. Не боясь никакой блокады и ускользающая от бдительных взоров судов сторожевой цепи, подлодка в любой момент всплывет в нужном пункте и сделает свое дело раньше, чем кто-либо успеет опомниться. Да и в надводном состоянии через несколько лет подлодка смело выдержит бой и с миноносцем и даже с легким крейсером.

Вместе с быстрым развитием подлодки, война 1914—1918 годов выдвинула совершенно новый тип судна, авио-матки, предназначенной для несения на борту возможно большего числа самолетов. Тип авио-матки еще вполне не установился; специалисты сходятся единогласно лишь в одном — авиоматка должна обладать наибольшей скоростью, не уступающей самым быстрым крейсерам. Большое значение в современном морском бою имеют дымовые завесы, под прикрытием которых миноносцы могут атаковывать сильнейшие линейные единицы, мало страдая от их ураганного огня. Трудно предсказать будущие этапы морского судостроения, но вернее всего, что в конце концов флот окончательно перейдет под воду, оставив на поверхности лишь суда вспомогательного значения.

Этот очерк не имеет целью запугать рабочих и крестьян ужасами возможной войны. Совсем наоборот. Каждый защитник СССР должен вполне ясно представлять себе все те опасности, которые ему предстоят, и заблаговременно подготовиться к ним. На западную технику ответим нашей техникой; западным пушкам, снарядам, танкам, газам и пр. противопоставим наши орудия войны. Привлечем к поднятию нашей техники все виднейшие умы нашего Союза, помня раз и навсегда, что если мы отстанем в военном деле от буржуазных государств, то они пройдут по нам, как по пустому месту.

Ив. Комаров.

Механизм движений и поведения животных

Когда мы видим, как стая рыбешек в реке выходит на освещенное место «погреться на солнце» или те же рыбешки старательно плывут вверх по реке против течения — мы обычно думаем, что так им хочется и потому они так и поступают. Так же обычно «об'ясняют», почему дождевой червь зарывается в землю или ночная бабочка летит на лампу.

Но уже в последнем примере мы видим, что в этом факте есть что-то «бессмысленное»: ночные бабочки упорно лезут на лампу или на свечку и часто гибнут от этого. Мы привыкли думать, что животные все делают с известным смыслом, ради известной цели, как мы это думаем о себе. Неужели все бабочки, гибнущие на лампе, — отчаянные самоубийцы и лезут на огонь с той же целью, как потерявший смысл жизни человек — под поезд или в омут? Конечно, это было бы неверное об'яснение. Мы скорее склонны думать, что они это делают «по глупости», как, например, дети, играющие с огнем, или мальчишки, бегающие поздней осенью по едва замерзшей реке.

Но если строже отнестись к этим «об'яснениям» поведения животных, то становится очевидным, что так ничего не об'яснишь.

Еще не так давно в науке, именно подсовывая чисто человеческую психологию в животных, пытались об'яснить движения и поведение их. Но этот способ об'яснения ничем не обоснован и очень мало что дает. Им мы никогда не об'ясним удовлетворительным образом, почему бабочка так странно летит на огонь и т. п.

Теперь в науке слагается совсем другое направление для об'яснения поведения животных. Оно основано на физико-химии, т.-е. строго научно. Этот способ об'яснения действительно об'ясняет многие факты, иначе не понятные.

Верность такого об'яснения подтверждается тем, что благодаря ему можно вынуждать животных на те или иные движения, которые могли бы показаться вполне произвольными, т.-е. вызванными волей животного, а не условиями опыта, в которых мы заставляем его двигаться с верностью машины — автомата.

Одним из главных создателей такого об'яснения поведения животных и крупным исследователем в этой области является недавно умерший американский ученый Жак Лёб.

В дальнейшем мы будем пользоваться, главным образом, его работами в изложении этой интересной теории [1].

В основе этой теории, об'ясняющей поведение и движения животных, лежит факт симметричности тела животных.

У большинства известных животных можно различить правую и левую сторону вполне соответствующих друг другу: правая рука соответствует левой, правый глаз — левому и т. д.

Мысленно через тело такого животного можно провести плоскость, как бы рассечь его на две равные половинки, симметричные друг другу. В правой половине можно всегда найти точку, вполне соответствующую такой же точке в левой половине и наоборот. Такие симметричные точки на теле животного имеют одинаковое химическое строение и состав и одинаковое количество вещества, т.-е. вполне одинаковы с точки зрения физико-химии. Например, оба глаза в этом смысле вполне одинаковы и, как мы сейчас увидим, это — очень важный момент в теории Лёба.

При падении света на глаз, в последнем начинается ряд химических изменений вещества его. Эти изменения влияют на зрительный нерв тем, что в нем тоже вызывают ряд физико-химических изменений. Эти изменения в нерве по нему передаются в мозг. Оттуда иногда по очень сложной системе путей — к центрам, заведующим теми или иными мышцами, которые через изменения в нервах, идущих к ним от центра, приходят в движение и изменяют положение тела животного, т.-е. заставляют его двигаться. Таким образом, раздражение, начавшееся от падения света на глаз, идет по нервным путям в мозг, а из него по другим путям к мышцам, вызывающим движения тела животного.

---

[1] См. Лёб. «Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных». Госизд. 1925 г.

Но у животных не только глаза симметричны, но и нервы, идущие от них к мозгу, и центры самого мозга, и пути, ведущие от них к мышцам, и сами мышцы тела.

Таким образом, если на один глаз падает больше света, чем на другой, то в глазу более освещенном и превращение вещества оказывается больше. Отсюда и большее раздражение, передаваемое мозгу, и соответственное действие мышц. А если на одной стороне тела мышцы работают больше, чем на другой, то и движение тела животного

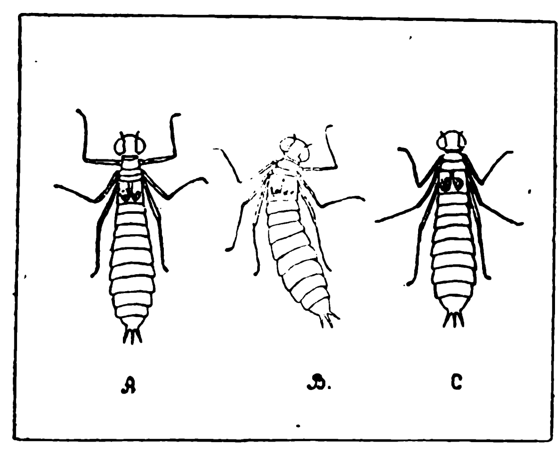

Рис. 1. Личинки стрекозы с нормальным (A) и поврежденным головным ганглием (B, C).

не равномерное, а с преобладанием в одну сторону, именно поворотом тела в сторону света. Когда свет падает одинаково на оба глаза, возбуждение отсюда происходящее будет в конце концов одинаковое в обеих симметрических сторонах тела, и потому животное будет двигаться прямо к свету или от него.

Мы видим, что для понимания движения животных факт симметричности устройства их тел играет решающее значение.

Но кроме различия правой и левой стороны в теле животных, мы различаем еще передний, головной конец и задний, хвостовой. Это как бы два полюса тела животного и в движениях животных факт полярности их тела имеет то же важное значение.

Значение симметрии и полярность тела животных для об'яснения поведения животных станет вполне понятным после рассмотрения нескольких очень интересных опытов.

На различных животных (рыбы, собаки, насекомые и т. д.) исследователями отмечался факт, что после удаления части мозга у животного, оно начинает двигаться ненормально. Так, если у акулы, напр., вырезать известный участок в левой части мозга, то рыба перестает плавать прямо, а всегда кругами в правую сторону. От чего это зависит? Очевидно, нашей операцией мы нарушили часть нервных центров левой стороны, почему аппарат раздражения, так сказать, с этой стороны оказался расстроенным, тогда как правый продолжал действовать, и потому соответствующие мышцы сокращались, и рыба кружилась вправо.

Здесь не место входить в анализ различных подробностей чувствительно-двигательного аппарата акулы или других животных—из сказанного суть дела очевидна.

Подобной же операцией мозга можно заставить животное не кружиться, а пятиться назад, или стремиться только вперед.

На прилагаемом рисунке № 1 изображена личинка стрекозы (эшны), у которой разрушен левый мозговой центр (ганглий) (фиг. B). Фиг. A—та же личинка в нормальном состоянии.

Мы видим, что личинка с разрушенным левым ганглием вся изогнулась вправо, и когда она ползет, она движется по кругу направо: мышцы, соединяющие членики ее тела справа, напряжены, а слева—нет, в виду нарушения нервного центра.

Как видно, и положение ног на левой стороне иное в силу различного напряжения соответствующих мышц, и потому животное ползет, описывая круги направо. Это явление исчезает, если нарушить и правый ганглий — тогда животное выпрямляется (фиг. C.)

Очевидно, что характер движения зависит от нервных центров, а эти в свою очередь связаны с глазами и другими частями поверхности тела, через которые они воспринимают раздражения извне.

Как мы сейчас увидим, путем воздействия на нервные центры извне можно вызвать вынужденные движения животных вроде тех, что были получены путем разрушения нервных центров.

Ведь, если мы известные центры одной стороны тела разрушим, то соответствующая сторона тела и мышцы, зависящие от этих центров, перестанут как бы отвечать на внешние раздражения с этой стороны; цепь от глаза до мышц размыкается. Зато на стороне, где сохранились центры, будет происходить сокращение мышцы и под влиянием внешних раздражений на глаз и т. д.

Иначе говоря, одна сторона будет воспринимать внешние раздражения, другая не будет, и так окажется на все время жизни такого искалеченного животного. Кратковременно же нечто подобное происходит и на нормальном животном, когда, скажем, его тело вдруг освещается справа и потому правый глаз подвергается раздражению, а левый — нет, и тело изгибается вправо, и потому животное поворачивается в сторону света. Мы уже упоминали о подобном случае. Как видно, животное повернулось к свету не потому, что он «нравится» ему, а потому, что ряд известных физико-химических реакций, начиная от правого глаза и кончая известными мышцами тела под влиянием света, оказался количественно больше, чем в левом глазу и левой стороне тела. Животное оказалось вынуждено так повернуться, как оно вынуждено вообще только вертеться направо, если у него разрушены соответственные центры левой стороны мозга.

Обратимся к опытам, подтверждающим такое рассуждение:

Американец Гэрри произвел ряд очень убедительных опытов с одной мухой — разбойничьей мухой, как ее называют.

Чтобы испытать действие света на глаз, он зачерчивал один глаз у нее, благодаря чему она переставала им видеть. Так, если зачернить правый глаз, то вся правая сторона окажется в более расслабленном состоянии, чем левая, так что тело животного даже как бы перегнется налево. Движение тоже возможно лишь влево. (Рис. 2).

То же получается, если освещать глаза источниками света разной силы, и исчезает, когда глаза оказываются одинаково освещенными. Если у обоих глаз мухи зачернить нижнюю половину—тело мухи примет странное положение: лапы втянутся и голова высоко поднимется. Если же зачернить верхние половинки глаз — тело примет почти противоположное положение: голова опустится низко и лапы согнутся.

Что здесь дело зависит от физико-химических реакций в глазу и всем нервно-мускульном аппарате тела мухи, особенно очевидно из следующего опыта:

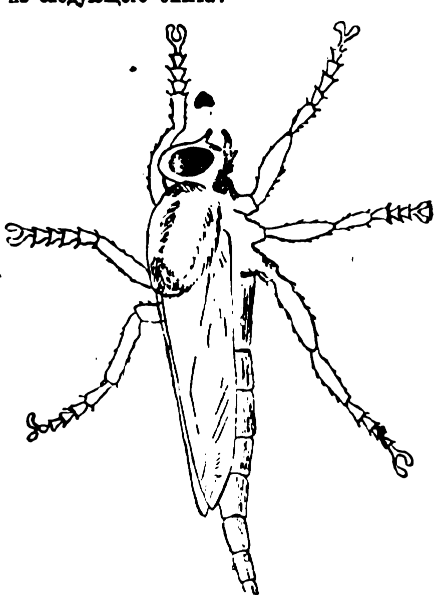

Рис. 2. Разбойничья муха с зачерненным правым глазом, отчего тело ее перекошено влево и левые лапки более подобраны. Она движется только влево же.

Гэрри наблюдал, что муха особенно отчетливо проделывает все описанные вынужденные движения или рано утром или пробыв некоторое время в темноте. Это навело его на мысль, что в темноте накапливается то вещество в глазу, которое на свету разлагается, вызывая соответственное раздражение в зрительном нерве и т. д., что и приводит к ответным движениям на раздражение света.

Для проверки он у нескольких мух замазал правый глаз черным асфальтовым лаком и так они оставались 2 — 3 дня. Если мух осветить в это время — они движутся, как полагается, с одним зачерненным глазом.

4*

Но стоит снять скорлупку асфальта с глаза—мухи начинают вертеться в обратную сторону, т.-е. ту, с которой удален лак, хотя освещение обоих глаз одинаково. Через некоторое время это проходит, и мухи ведут себя как нормальные мухи с одинаково видящими глазами.

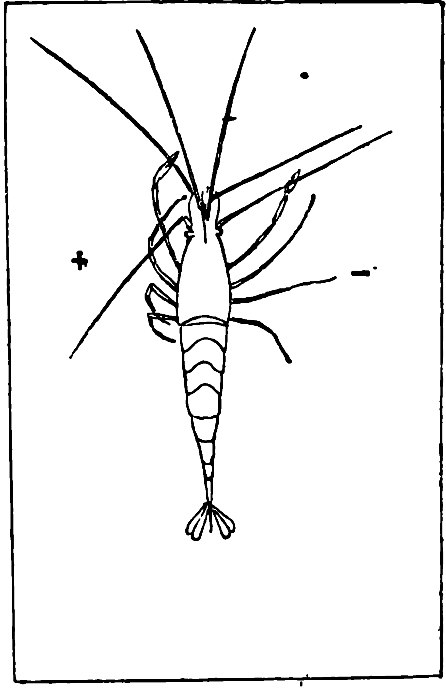

Рис. 3. Креветка при прохождении тока поперек ея тела.

Очевидно, что в глазу, на котором был лак в течение 2—3 дней, оказалось больше веществ, реагирующих на свет, нежели в глазу, освещавшемся в это время. Поэтому, когда сняли лак, реакция на свет оказалась более сильной, и это вызвало и более сильное действие мышц этой оболочки, почему мухи начали вертеться в обратном направлении. Когда избыток веществ был разложен в этом глазу и реакция на свет в обоих глазах оказалась одинаковой, мухи стали вести себя нормально.

Мы видим, как хорошо эти факты об'ясняются теорией Лёба, легче, вернее и глубже, чем если бы мы об'ясняли верчение мухи после снятия лака — «радостью» возвращенного зрения на правый глаз или т. п. образом.

Но опыты с разбойничьей мухой—не единственные, так хорошо подтверждающие новую теорию движения животных.

На примере мух мы видим, что они с одним затемненным глазом вертятся так же, как личинки стрекозы с разрушением нервных центров. Об'яснение в обоих случаях похожее: возбуждение животного одностороннее, потому и движение в одну сторону, круговое.

Явление раздражения светом — гелиотропизм, как его называют ученые — известно, конечно, не только у мух, но и у массы других организмов.

Но свет не только является раздражителем, привлекавшим к себе, но и отталкивающим. Так, личинки домашней мухи перед окукливанием испытывают отрицательный гелиотропизм, т.-е. уходят от света в тень. Это явление так же об'яснимо, и при известных условиях можно этих животных вынудить итти из слабого света в сильный.

Очень любопытна гелиотропическая машина, построенная изобретателем Гаммондом и очень хорошо иллюстрирующая механическую теорию тропизмов Лёба.

Эта машинка состоит из ящика, длиной около 3 футов, помещенного на трех колесах. В ящике помещается мотор и сложный электрический механизм, управляющий его движением. Спереди у ящика два «глаза»— собирательные стекла, через которые свет действует на движение этой машины. Если освещать машину справа электрической лампочкой, она поворачивается на свет и катится к нему. Если уносить лампочку перед ней—она идет за светом и двигается за ним во все стороны не хуже, чем осел за пучком сена. Если свет погасить и очень ослабить, она остановится, а если в ней переставить выключатель—она будет так же отворачиваться и уходить от света, т.-е. «испытывать» отрицательный гелиотропизм.

Это искусственное светочувствительное животное на непосвященных производит, по словам одного из сотрудников ее изобретателя, прямо жуткое впечатление. Ее бессмысленное стремление к свету (или после перевыключения

мотора—от света) напоминает механически бессмысленный полет ночных бабочек на свет. И об'яснение движения этой удивительной гелиотропической машины очень напоминает об'яснение Лёбом движения мухи под влиянием света и других гелиотропических животных.

В этой машине мы имеем своего рода искусственную модель всех животных этого рода, модель механизма их движений под влиянием светового раздражения.

Но не только свет является раздражителем, вызывающим у животных известные движения, не только свет является причиной тропизмов. Есть ряд тропизмов, вызываемых электричеством, других—тяготением, прикосновением, химическими веществами и т. д.

Так, действие электрического тока вынуждает животных к совершенно определенным движениям тела. Для примера остановимся на опытах с морским рачком — креветкой.

Если пускать ток поперек тела креветки, то лапки со стороны положительного полюса окажутся поджатыми, а с противоположной—вытянутыми, и рак может двигаться только к положительному полюсу и не может итти к отрицательному (Рис. 3).

Лёб об'ясняет это подробно действием тока на соответственные нервные центры. Мы не будем здесь входить в эти подробности. Положение и движения рака в данном случае во многом напоминают сказанное о разбойничьей мухе с зачерненным одним глазом и о личинке стрекозы с поврежденным головным ганглием.

С помощью электрического тока можно хорошо испытать и полярность тела животного, о которой мы вначале упоминали. Если пропускать ток от головы креветки к хвосту—она примет строго определенное положение. Хвост вытягивается благодаря напряжению мышц, и животное может плыть только вперед, но не назад. (Рис. 4, верхний).

При прохождении электрического тока в обратном направлении, положение тела креветки меняется: хвост поджат, конечности торчат вперед и рак в таком положении может лишь пятиться и совсем не может итти вперед.

Эти случаи и ряд подобных им, напр. с нашим обычным речным раком, личинкой амблистомы (аксолотель) и др. животными, вполне об'яснимы, с точки зрения теории Лёба и являются хорошими доказательствами ее.

Эта теория об'ясняет многие тропизмы, иначе непонятные или истолкованные ложно. Мы остановимся на нескольких примерах. Так, если везти ящерицу в поезде на окне, то голова ее движется медленно в обратном ходу поезда направлении, а когда поворот дойдет до крайности—голова резко перебрасывается обратно и снова начинает медленно поворачиваться против хода поезда. Ящерица

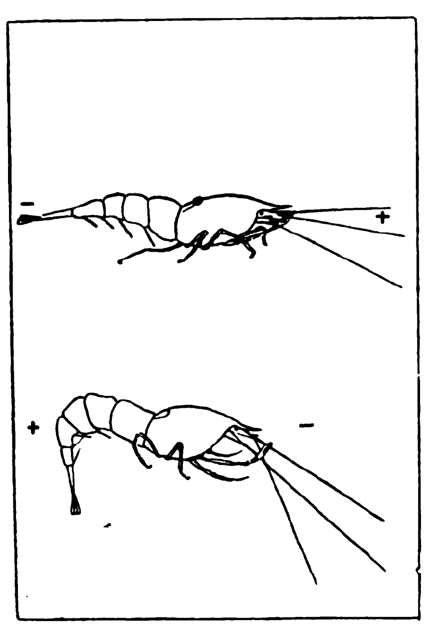

Рис. 4 Наверху—креветки при прохождении тока от голов к хвосту. Внизу — при обратном движении тока.

при этом как бы пристально смотрит на какой-либо предмет перед окнами (напр., телеграфный столб) и когда он уходит из поля зрения,—голова приходит в исходное положение и животное начинает так же пристально глядеть на какой-либо другой предмет, и так без конца.

Нечто подобное происходит и на вращающемся столике. Если у ящерицы глаза закрыты—это движение головы против хода движения почти прекращается.

Очевидно, что движение это зависит от однообразного раздражения предметами перед глазами ящерицы.

Одно очень своеобразное движение рыб об'ясняется именно этим. Известно, что рыбы плывут часто против течения в реке и т. д. Этот тропизм (реотропизм) об'ясняли прежде трением воды о тело рыбы. Оказывается, что тут играет роль зрительное впечатление. Если взять мелких рыбок и поместить их в прозрачную бутылку и тянуть ее через воду, рыбки поплывут против течения бутылки, хотя они и не испытывают никакого трения воды—его испытывают только стенки бутылки. Благодаря движению бутылки с рыбками, начинают двигаться изображения предметов вне бутылки. Рыбки для сохранения того же изображения в глазу плывут в обратную сторону. В реке их сносит течение и движение против него есть своего рода возмещающее его движение под влиянием необходимости следовать за изображением фиксированию предмета.

Нечто подобное наблюдалось и у насекомых, летящих против ветра. И тут, вероятно, причина движения связана с зрительными раздражениями. Так, движение изображения на сетчатке глаза автоматически вызывает движение головы или тела животного в обратном направлении. Прикосновения к предмету могут также вызвать привлекающее или отталкивающее движение—это так называемый стереотропизм.

Так, самки муравья, в период половой зрелости, испытывают положительный стереотропизм, который выражается в том, что эти животные «стремятся» уйти как можно плотнее в складки бумаги и сукна, положенных в ящике, где они живут. Это не бегство от света (отрицательный гелиотропизм), так как то же происходит в полной темноте. Механизм раздражения от прикосновения об'ясняется аналогично раздражению светом и т. д. На ряде опытов проверено такое об'яснение стереотропизма.

Химические вещества являются тоже раздражителем, вызывающим так называемое хемотропизм, многие случаи которого изучены. Так, если положить крупицу соли в каплю с инфузориями—они будут удаляться от нее —это явление отрицательного хемотропизма и т. п.

Леб тропизмами с их чисто физико-химической основой об'ясняет многие инстинкты животных—эти сложные и, казалось бы, столь целесообразные движения их.

Мы ограничимся одним примером с гусеницами бабочки портезия. Личинки этой бабочки зимуют на кусте недалеко от почвы, и когда воздух теплеет весной, они пробуждаются, выходят из гнезда и идут вверх по стеблям, где в это время распускаются молодые листья. Прикосновение к ним и их вкус (стерео и хемотропизм) заставляют работать челюсти гусениц и пожирать листья. Казалось бы, инстинкт этих гусениц—подниматься весной вверх по стеблям, об'ясняется тем, что там находится пища и т. д.

Но оказывается, что это движение их по стеблям—лишь результат гелиотропизма. Стоит этих гусениц посадить в пробирку и поместить в темный конец листья, как все гусеницы соберутся в светлом конце и там останутся, пока не умрут с голода, хотя совсем рядом с ними, в более темном конце, имеется обильная пища. Но гусеницы в природе быстро с'едают листья на ветках, и свет, который привлек их наверх к пище, если бы продолжал так же действовать—привел бы к их гибели с голоду.

После известного периода питанья хемизм гусениц меняется и они становятся отрицательно гелиотропичны, в силу чего ползут вниз по стеблю и вообще мало реагируют на свет. Что это так, видно из следующего опыта: если кормленых и не кормленых гусениц посадить в две разные пробирки и освещать одним источником света, то первые — кормленые отнесутся безразлично к свету, другие — все поползут к нему и рабски будут сидеть в освещенном конце до смерти. Так, мы видим, тропизм меняется в зависимости от хемизма организма, в данном случае вызванного пищей.

Итак, столь разумный инстинкт гусениц, ползущих вверх по стеблям к пище, при ближайшем рассмотрении разлагается на чисто механический тропизм, который при изменении условий приводит к вовсе неразумным результатам—гусеницы в пробирке умирают с голоду в освещенном конце ее, тогда как тут же у них за спиной лежит обильная пища.

На приведенном примере анализа инстинктов мы видим, как многое может быть понято благодаря теории тропизмов Лёба и как продуктивен может быть анализ поведения животных с точки зрения физико-химии, единственного верного научного подхода к явлениям природы.

И. К.

КАК СОЗДАВАТЬ НОВЫЕ РАСТЕНИЯ.

Лутер Бэрбэнк, самый выдающийся работник в области культуры растений и создания новых представителей растительного мира. В руках у него новое его создание — новый сорт огурца с гладкой, шелковистой кожей. Л. Бэрбэнк уже полвека работает в этой области.

Все благополучие деревни держится на сельском хозяйстве. Чем лучше постановка сельского хозяйства в той или другой деревне, тем богаче она, а чем она богаче, тем культурнее. Новые методы ведения сельского хозяйства, внедрение в деревню идеи машинной обработки полей, введение новых сортов хлебов и других растений, создание новых сортов более урожайных, стойких к засухе, более приспособленных к местным условиям, естественно должны привлекать внимание всех интересующихся вопросом улучшения экономического состояния деревни.

Внимание это и привлечено. В деревню, всеми доступными путями, внедряются эти новые для нее веяния. Деревня снабжается машинами, тракторами, деревня электрифицируется; в деревне ликвидируется чресполосица; наконец, в разных местах беспредельного Союза ССР организованы опытные сельско-хозяйственные станции, а в Москве недавно создан Всесоюзный Институт Прикладной Ботаники и новых культур, имени В. И. Ленина при ЦИК СССР. В задачи опытных станций и института входит работа выяснения—какие новые сорта хлебов и других растений должны быть введены в тех или других районах, какие старые местные сорта можно улучшить, какие из местных сортов надо отбросить по тем или другим причинам. Наконец, одной из их задач является также и создание новых растений, новых сортов, лучших, чем старые.

Работа в этой области ведется довольно давно как в России, так и за границей, но особенно широко ведется она в Соединенных Штатах Северной Америки. Одним из самых выдающихся людей, работающих там в этой области, является всемирно известный Лутер Бэрбэнк, достигший за время своей полувековой работы самых поразительных результатов, которые принесли всему человечеству неоценимую пользу. Желая

Путем скрещивания разных видов диких кактусов, растущих в пустынях дальнего запада Соед. Штатов Америки, Бэрбэнк создал свой знаменитый кактус без колючек, изображенный на рисунке направо. Верхний рисунок изображает дикий кактус покрытый колючками.

Кактус без колючек, который Бэрбэнк рассматривает как свое самое ценное создание, так как благодаря ему на бесплодных до сих пор пустынях теперь станет возможно разведение овец и баранов (кактус без колючек вполне пригоден, как пища для них).

Сейчас, когда выдвинут на первый план вопрос о смычке города с деревней, когда брошен лозунг «лицом к деревне», необходимо остановиться на крайне важном вопросе о том, что может дать деревне наука, так как развитие деревни и под'ем ее культурного уровня может быть достигнут лишь путем улучшения ее экономического состояния.

познакомить читателя с методами его работ и с их результатами, которые теперь, в силу того, что мы все в своей работе должны помнить о деревне, не могут не быть нам интересными, мы ниже даем перевод статьи, написанной самим Л. Бэрбэнком по поводу его полувековой работы в области селекции растений и создания новых форм растительного мира.

Седьмого марта 1925 года мне исполнилось 75 лет. В этот день я праздновал исполнение 51 года непрерывных работ и опытов над растениями.

За эти полстолетия миллионы растений — трав, цветов, овощей, хлебов и деревьев — прошли через мои руки, и из них я отобрал некоторые, сравнительно очень, очень немногие, для дальнейшей работы над ними, для размножения их, усовершенствования и развития в них лучших их качеств, таким образом, чтобы они могли принести человеку самую большую пользу своей красотой, вкусом, питательностью или урожайностью.

Для меня растения стали огромной армией отдельных живых существ, под моим руководством двигающихся вперед к основной и главной цели — усовершенствованию.

Огромные цветы, пятидюймов в диаметре, выведенные Бэрбэнком путем отбора из диких сортов с мелкими цветами изображенных ниже.

Начиная с первого моего создания — нового сорта картофеля, который теперь в миллионах пудов выращивается во всех уголках мира — и кончая последними — десятком сортов новых и коммерчески выгодных фруктов, из которых многие уже разводятся повсеместно в Америке, — во мне постоянно, вместе с моим опытом, росла уверенность, что работа над развитием и усовершенствованием растений — одна из самых благодарных, интересных и увлекательных работ.

Растения покорны и послушны человеку; они могут быть выращены, одомашнены, изменены и приручены так же, как животные могут быть приручены, перевоспитаны и улучшены в своих качествах. Опытная рука садовода или ученого бота-

Гигантский артишок 14 дюймов в диаметре — почти 4 фута в окружности, выведенный из обыкновенных сортов. Одно из новых чудесных созданий Л. Бэрбэнка.

ника развивает и усовершенствует все лучшие качества, которые заключены в каждом из растений.

В течение длинного ряда лет, исследуя и изучая растения всего мира, я создавал совершенно новые формы растений, изменял старые формы, создавал новые помеси, скрещивал один вид растения с другим, я никогда не терял из виду основного принципа борьбы за существование — переживает наиболее приспособленное, наиболее сильное растение — слабые и неприспособленные гибнут. Этим и об'ясняется развитие и прогресс среди растений. В скрещивании, т.-е. в перенесении цветочной пыльцы одного вида растения на пестик другого, и в правильном отборе лучших и сильнейших растения одного и того же вида — лежит огромный и могучий способ преобразования растений и созидания новых, еще неведомых, представителей растительного мира.

Главный момент лежит в скрещивании, в перекрестном опылении. Правильно произведенное

Выведенные Бэрбэнком, низкорослые подсолнечники, с полной головкой и обильной листвой.

скрещивание, сопровождаемое строгим отбором самых лучших и самых сильных растений и уничтожением самых плохих и слабых, ведет всегда к несомненному успеху. Пользуясь только этими двумя методами, я в своей работе над растениями и цветами, сообразуясь со своим желанием, произвольно менял цвет и форму цветка, увеличивая размеры плода, усиливал аромат, заставлял растение расти и развиваться скорее, плодоносить раньше и т. п. В этих работах я следую всегда указаниям самой природы, применяю только ее огромные возможности. Но природа работает медленно — человек имеет возможность помочь природе и ускорить ее работу.

В скрещивании двух разных растений — только самое начало работы. Это только первый шаг, хотя и необходимый; самая большая и ответственная работа лежит далее—в уходе, в питании, во влиянии окружающей среды, в отделении лучших от худших; во всем том, что так или иначе соприкасается с тем, что называют отбором.

Каждое растение очень чувствительно к окружающей среде (т.-е. к погоде, к обработке почвы, к удобрениям, внесенным в почву, и т. п.) и если создать для растения наиболее благоприятные условия, то результат скажется немедленно, будет ярко выражен и длителен.

Тайна удивительнейших успехов, достигнутых мною, в моей работе над растениями также частично заключена в моей любви к ним. Если вы выращиваете растение, развивая в нем его лучшие качества, вы должны любить его, а не ненавидеть; нужно обращаться с ним мягко, а не грубо; нужно быть стойким в работе с ним, а не жестоким. Я окружаю растение, с которым я работаю, самыми благоприятными для него условиями, и, благодаря этому, я могу выбрать любое усовершенствование, которое я хотел бы ввести в него, и путем скрещивания, отбора, ухода и настойчивости, я наверняка достигаю желаемого.

За эти полстолетия работы по отбору, выращиванию, развитию и усовершенствованию отдельных представителей растительного мира, я проделал миллионы интересных опытов, среди которых не последнее место занимало развитие полезных, урожайных и производительных растений из растений сравнительно малоценных. Например, у меня был посажен целый маленький лес в 240.000 деревьев сливы самых разнообразных сортов, выведенных из косточек. Из этих 240.000 деревьев, я должен был отобрать, выбрать только одно дерево, которое ярче всего выраженным имело бы то качество, которое мне было нужно — дерево должно было дать плод, скоро созревающий, не портящийся от перевозки и долгого хранения. И я нашел такое дерево среди 240 тысяч деревьев моего леса. Из его плодов выросли те тысячи сливовых деревьев этого нового сорта, который так широко распространен теперь в Америке.

Я создал новое каштановое дерево. Старые сорта каштановых деревьев начинали плодоносить только 15—20 лет спустя после посадки. Мой же сорт начинает плодоносить на шестом месяце после посадки каштана в землю и достигает полного плодоношения на 2-ой год своей жизни.

Из маленькой твердой и горькой айвы я вывел, путем скрещивания и отбора, плод больший, чем самое большое яблоко, сочный и сладкий, с дивным ароматом. В этом новом сорте айвы нет ничего нового, кроме тех же лучших качеств старой горькой айвы, которым я дал развиться до предела возможного, и айва отплатила мне за заботы о ней так же, как и всякое другое растение или животное, всегда отплатит или разовьется, если ему дать к этому возможности.

Я взял медленно растущий, маленький, с крепкой шелухой, дикий черный лесной орех и путем скрещивания его со с'едобным орехом, имеющим мягкую шелуху, но и мягкую древесину, я вывел дерево с более благородной и крепкой древесиной чем у дикого ореха, растущее скоро и обильно плодоносящее хорошие с'едобные орехи.

Путем скрещивания, отбора и размножения молодых деревьев обыкновенной дикой сливы в течение 40 лет, я развил крупную, сладкую, рано созревающую, хорошо плодоносящую, хорошо сохраняющуюся сливу.

Начал я свою работу со сливами в 1881 году, когда один мой знакомый пришел ко мне в марте месяце и просил подготовить ему 20.000 молодых

сливовых деревьев для посадки в этом же году. Это значило, что я должен был посеять и вырастить 20.000 сливовых деревьев, высотой от 2 до 5 футов в течение 9 месяцев. Я взялся исполнить заказ.

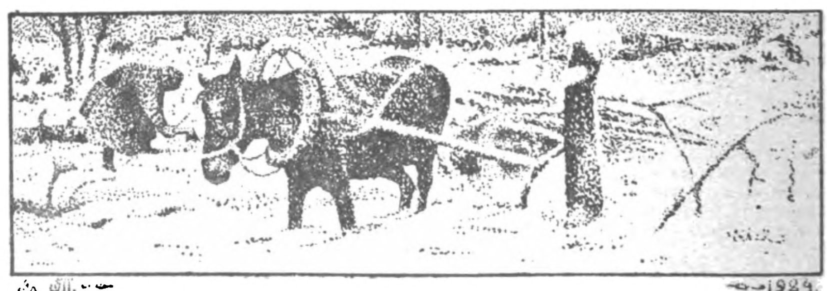
Я посеял 25.000 миндалин. Через 2 недели они взошли и были пересажены на гряды в 4 дюймах одна от другой. В июне они достигли одного фута высоты, но я прошу вас заметить, что это были миндальные деревья, в то время как я должен был вырастить сливовые. Из соседнего сада я купил 25.000 глазков (неразвившиеся почки, отрезанные от дерева вместе с частью коры) сливовых деревьев и привил их (вставление глазка под нарезанную кору дерева) на миндальные сеянцы. Как только глазки принялись, верхушки миндальных сеянцев были срезаны, и я имел во-время около 20.000 готовых к посадке сливовых деревьев. Остальные 5.000 глазков не принялись и погибли. Они были высажены в сад и даже теперь, спустя 43 года, очень хорошо плодоносят.

Во всей моей работе нет тайн и чудес. Все так просто, жизнь в каждом своем проявлении так ясна, все сводится к процессу эволюции — развития. И каждый человек при настойчивости, терпении, внимании, изучении дела, работе и любви, может сильно помогать этому процессу развития — эволюции. Он может в 10 лет закончить задачу, на разрешение которой природе без его помощи потребовалось бы не менее десяти столетий.

Полстолетия я занят этим делом, полстолетия я подталкивал природу, улучшая и развивая отдельных представителей растительного царства на пользу всего человечества. Прежде всего я решаю, что я хочу создать и начинаю работу, отбирая самые сильные и самые развитые растения того сорта, которым я решил заняться. Эти отобранные растения приносят семена, и лучшие из этих семян я высеваю и выращиваю из них новые растения, из числа которых вновь отбираются лучшие экземпляры. Такой отбор продолжается несколько лет, пока лучшие качества растений не достигнут своего полного развития. В этой работе нет ничего чудесного, ничего сверх'естественного; в эту работу я с радостью вложил всю свою жизнь, все силы своего ума и своих рук.

И еще теперь я продолжаю свою работу над улучшением сортов хлебов, овощей, орехов и плодов, добиваюсь увеличения размеров плодов, создания новых красивых цветов с яркой окраской и сильным ароматом, повышения питательности овощей большей урожайности хлебов.

На моем опытном поле сейчас ведется более 2.500 отдельных опытов. Весной этого года я получил новые сорта хлебов, новый сорт грецкого ореха, развивающего огромные скорорастущие деревья с очень твердой древесиной, который сможет в течение 10 лет дать большее количество ценной древесины, чем старые сорта в течение 50—100 лет; новый артишок 4 фута в окружности; целый ряд новых вьющихся цветов, так украшающих наши дома, и много других новых представителей царства растений. Все это—ценные результаты моей полувековой работы по отбору, развитию и усовершенствованию растений.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ.

Либединский начал печататься недавно (1922 г.) и написал немного. Повести «Неделя» и «Завтра» и неоконченный роман «Комиссары». (Альманах «Прибой».—I часть и «Звезда» № 8 — отрывок из II части) — это все, что им пока напечатано за 3 года его литературной деятельности. Но на-ряду с Ляшко, писателем не молодым, но крепнущим и быстро растущим на наших глазах, Либединский, несомненно, является значительнейшим из прозаиков чисто пролетарского крыла литературы.

Он молод (род. в 1898 году) и еще не сложился, как и сама пролетлитература, но он принадлежит к наиболее зрелым из современных ее представителей. Пролетлитература еще только стоит на пороге своего первого расцвета, как это и естественно для художественной литературы политически - господствующего и победон сного, но культурно - юного класса. Поэтому и Либединский является только «предтечей» великих художников пролетарского слова. Либединский, по крайней мере сейчас, отнюдь не является большим писателем в смысле тех повышенных требований к этому понятию, которые привыкли пред'являть избалованные Пушкиным, Тургеневым, Толстым, Достоевским, Чеховым и Горьким русские читатели. Содержание, художественно оформляемый материал Либединского несравненно значительнее и интереснее способов обработки автором этого материала, «формы» Либединского. Возможности, заключенные в том материале, который берет Либединский, неиспользованы им в своей значительнейшей части, при всей идеологической выдержанности и таланте писателя, но то, о чем пишет Либединский, его «тематика», искупает все недочеты его мастерства, а идейно - выраженное коммунистическое мировоззрение и мироощущение заставляют забыть о недочетах художественного дарования автора «Недели».

Какова же эта тематика Либединского и каков его идеологический подход к изображаемой им действительности? Тема Либединского — это современная действительность, реалистически изображаемая с коммунистической точки зрения; это — преимущественно переживания среднего слоя коммунистов, так называемого «актива», и переживания, главным образом, тесно связанные с их общественной работой. Мы говорим: «преимущественно переживания», ибо мыслям, разговорам, сознательным активным действиям, настроениям и чувствам Либединский уделяет гораздо больше внимания, чем внешней стороне быта, обстановке окружающей его героев и их инстинктивным, повторным, автоматическим действиям, манерам, привычкам. Герои Либединского — это главным образом, коммунисты. О двух исключениях из этого правила скажем особо. Белые и обыватели бегло даны в «Неделе» (бывший аптекарь Рафаил Антонович Сенатор и бывший учитель гимназии), также бегло («спецы» из правления треста) или грубовато - схематически (эс-эрка, утопленная под занавес, и Ванда) в «Завтра». В напечатанных главах «Комиссаров» обывателей и белых вовсе нет. Коммунист - кулак и шкурник —это категория особая. Рабочая толпа в «Завтра», при всем желании автора сделать ее чуть ли не центром повести, осталась фоном.

Коммунисты же Либединского это не рядовые партийцы, стоящие у станка или несущие, главным образом, тяжесть низовой военной и советской службы, составляющие в партийной жизни массу, более или менее активную лишь на собраниях. Это и не наиболее близкая рабочей, красноармейской, канцелярской массе низовая часть партийцев из бюро низовых ячеек, месткомов и т. д. Герои «Недели» — члены Губкома, ответственные работники из ЧК, заместитель начальника Политотдела; герои «Завтра» — председатель треста, член бюро Губкома, бывший активный подпольщих колчаковской Сибири; герои «Комиссаров» — превращенные в слушателей политкурсов бывшие военкомы отдельных частей. Это — интеллигенты по происхождению или ставшие интеллигентами рабочие, несущие ответственную и активную работу в партии и в руководящих верхушках советского аппарата. Эта среда хорошо известна автору, интеллигенту и активному партийному (военному) работнику. Однако, герои Либединского все же по своему месту «в рабочем аппарате партии стоят „ниже“ верхнего партийного слоя, возглавляющего и идейно направляющего всю работу местных больших (губернских, армейских) партоб'единений и актуально лично влияющих на политику центральных органов, слоя, состоящего преимущественно из старой „ленинской гвардии“» .К этому слою принадлежат герои Аросеева, систематически, лично разговаривающие и переписывающиеся с Лениным, перебрасываемые по России непосредственными директивами Цека, стоящие в центре важнейших процессов, идущих от масс через все сложные разветвления партийного и советского организма. В «Комиссарах» комвойск округа и начальник Пуокра эпизодически появляются, приведя своим решением в действие всю фабулу (историю Окрвоенполиткурсов). В «Неделе» — вопреки реальности — не видно двух лиц, неизбежно главных для истории ответственного решения, приведшего к восстанию и подавлению восстания в губернском городе: секретаря Губкома и председателя Губисполкома. В героях «Завтра» не чувствуется близкой связи с партийными или государственными центрами. Лиза Онипко, хотя и «за секретаря» Губкома, но в московских партийных центрах явно новый, незнакомый человек. И того дореволюционного партийного прошлого, которое сквозь все интеллигентские резонерствования героев Аросеева, является необходимой предпосылкой всех их действий и мыслей, у героев Либединского или нет, в чем они и автор сознаются или, если оно и указано, то мало ощущается. Большинство героев Либединского — коммунисты, закаленные лишь стажем гражданской войны, или во всяком случае бывшие до революции лишь рядовыми или эпизодическими участниками революционного движения. Это все значит, что героями Либединского являются коммунисты из с р е д н е г о слоя партийного актива.

Либединский преимущественно интересуется теми переживаниями своих героев, которые прямо относятся к их общественной деятельности (подавление восстания, чекистская работа, заседание Губкома, субботник — в «Неделе»; учеба, партийное собрание, осознание перехода к нэп'у — в «Комиссарах»; участие в демонстрации, агитация среди рабочих, от'езд в Германию на революционную работу—в «Завтра»). Или уже у Либединского даются те из «личных» переживаний, которые тесно связаны с общественной работой, влияют на нее, происходят на ее фоне. Мартынов («Неделя») встречает любимую девушку, производя обыск в ее квартире; роман Климина и Семковой зарождается на партийной работе, развивается в беседах о партийных делах и трагически обрывается восстанием; Самуил Файвышев убегает от измучившей его любви к Ванде в Германию на революционную работу; в «Комиссарах» пьянство курсантов дано в помещении курсов со всеми партийными и служебными последствиями. При этом чисто-общественных переживаний в повестях Либединского больше, и они изображены четче и правдивее, чем всякие переживания личного порядка. Отчасти это об'ясняется свойствами материала, обрабатываемого Либединским: активный коммунист в нормальных условиях больше всего занят общественной работой и чаще всего личные переживания его зарождаются в связи с этой работой и так или иначе влияют на последнюю. Но многое об'ясняется обычно и подходом Либединского: его больше интересует общественное, чем личное, а в личном не столько детали последнего, сколько его влияние на общественную работу. Здесь ясно сказывается органическая коммунистичность мировосприятия Либединского.

Одним из главных достоинств трактовки Либединским своих героев является то, что они даны действующими преимущественно в партийном коллективе: на собраниях, заседаниях, демонстрациях, и рядом с переживаниями единиц всегда более или менее удачно изображена и общая жизнь партийного коллектива. Можно сказать, что Либединский почти единственный и лучший художник жизни нашей партии в ее массовых проявлениях.

Герои Либединского разнообразны и даны в соответствующей действительности конкретной сложности. Есть у Либединского люди, колеблющиеся между бюрократизмом и коммунизмом (в «Комиссарах»), есть не отделавшиеся от «интеллигентщины» честные революционеры (Мартынов, Суриков, отчасти Симкова в «Неделе»), есть коммунисты по разному «разлагающиеся» («Завтра»); есть несколько примитивные рабочие практики, для которых «коммунизм — теплое слово» (Стальмахов), или грубоватые, надорванные усталостью, пьющие старые солдаты, военные герои революции (Караулов). Есть у Либединского жизненно-изображенные (в отличие от схем многих молодых пролетписателей), заставляющие себя верить — что так трудно по отношению к положительным типам вообще,—действительно образцовые коммунисты. Иногда это подвижники революции (Робейко в «Неделе», начкурсов в «Комиссарах»); иногда твердые и безупречно-выдержанные ее работники и творцы (Климин, Горных, большинство героев «Комиссаров»). Есть у Либединского явные и тайные шкурники, хищники, обыватели и даже контр-революционеры под маской коммунистов. Честно, внимательно и четко отражает Либединский многообразную действительность, служащую ему материалом для художественного оформления.

Здесь мы подходим к вопросу об отношении Либединского, как художника и мыслителя, к действительности. Надо отметить прежде всего строгую верность художника жизненной правде, внимание к ее многообразным деталям и оттенкам, честность с собою и с читателем. Либединский не скрывает многих недостатков и неизбежных темных сторон коммунистической среды и ее работы. И это не только в несколько пессимистическом по отношению к нашей повседневности «Завтра». В «Неделе» приведены не только случаи пьянства и у хороших коммунистов, не только обнажены темные стороны чекистской работы, но дана и растерянность партийного собрания перед хозяйственной проблемой, и недостаточная внимательность членов Губкома к прениям по важнейшему вопросу, и недоверие провинциальных работников к московским. Не мало отрицательного изображено в «Комиссарах». Но в то же время Либединский проникнут глубокой уверенностью в правоте и неизбежности победы коммунистической партии, твердо верит в ее идейную силу и духовную стойкость, видит в партии преимущественно ее активнейшую, лучшую, самоотверженно-преданную революции часть, в конечном счете всегда решающую в партийной жизни. Произведения Либединского за исключением случайного, надо думать, вывиха в «Завтра», вселяют в читателя бодрую веру в партию, в революцию, в советскую государственность, веру, однако, разумную и действенную, отнюдь не слепую. В «Неделе» и в напечатанных главах «Комиссаров» Либединский безупречен идеологически, в понимании и передаче подлинного смысла изображаемого. И это несмотря на то, что в «Неделе» взята трудная тема восстания крестьян против Советской власти, а в «Комиссарах» не менее острые темы: восприятия перехода к нэп'у военными работниками, роли восстаний в этом переходе и трудности подчинения комиссаров строевому режиму на положении рядовых курсантов. Интересно отметить, что Либединского еще со времен «Недели» отличает чрезвычайно чуткое отношение к вопросу о крестьянстве и о хозяйственной смычке с ним.

В «Завтра», в ожидании близкой революции в Германии, Либединский слишком дал волю своей естественной ненависти к темным сторонам, к буржуазно-кабацкой накипи нэп'а и своим опасениям перед явлениями разложения части коммунистов и недовольства рабочих в 1923 году. Сказалась тут и внутренняя логика самого задания повести (показать Москву в момент победы германской революции). В результате от «Завтра» получилось впечатление, что только революция в Германии может спасти на деле коммунистов, запутавшихся в соблазнах мещанства и разврата нэп'а. Вряд ли сам Либединский ожидал такого впечатления: на него, несомненно, сильно повлияла необходимость показать, как можно эффектнее, колоссальное значение германской революции для Советской России. Но очевидно все же, что в «Завтра» Либединский преувеличил быстроту превращения под влиянием победы революции на Западе нэп'а «из необходимой экономической политики в ненужную экономическую политику» по выражению т. Зиновьева.

Односторонне отрицательно изобразил Либединский и процесс строительства социализма «в одной стране».

Либединский не из тех писателей, которые ставят в своих произведениях совершенно новые широкие проблемы. Правда для писателя-коммуниста целый ряд проблем решен самым его философским и политическим миросозерцанием. Однако, жизнь ставит перед нами целый ряд вопросов (многообразие социалистических и капиталистических начал в деревне, вопросы культуры, этики, быта, учебы), на которые у партии нет точных готовых ответов. Либединский обычно, однако, не выходит за пределы уже намеченных в общем партией решений проблем.

В этих рамках Либединский ярко иллюстрирует известные нам схематически из газет, книг, протоколов моменты партийной жизни, вносит ряд новых, отдельных штрихов в наше знание жизни партии. Он не нарочито иллюстрирует передовицы «Правды», он — честный свидетель и наблюдатель партийной жизни (преимущественно провинциальной), он может навести партийную мысль на некоторые новые частные вопросы жизни партии и страны. Но Либединский не поднимает новых больших вопросов, еще не затронутых теоретической мыслью, не опережает широкими художественными обобщениями выводов теоретической и практической мысли эпохи, как делали многие большие художники.

Перейдем к вопросам художественного оформления Либединским своего материала.

Либединский строгий реалист. Он изображает жизнь, стараясь быть по возможности верным ей в ее конкретных проявлениях. Воспроизведение им жизни рассчитано на такое правдоподобное его повествование, чтоб читатель во время чтения мог проверить, что он читает рассказ о действительно случившемся. Повести Либединского написаны так, как могли бы быть записаны со слов нескольких очевидцев рассказы о действительно бывших происшествиях, происшествиях вполне вероятных в условиях своей эпохи. У Либединского нет ни символики, ни гротесков, ни сатирических или романтически-идеализирующих преувеличений, ни фантастики, хотя бы научно-мотивированной.

Лишь в «Завтра» есть попытка пофантазировать о не только возможном, но и считавшемся в 1923 г. неизбежно близком будущем, но эта попытка неудачна.

Одной из существеннейших особенностей Либединского, как художника, является беглость характеристики им своих героев. В его произведениях слишком много действующих лиц, чтобы их можно было всесторонне и детально показать читателю. «Стержневого» героя или даже группы—таковых у Либединского нет. В «Неделе», напр., столько героев почти одинаково значительных, что их хватило бы не на небольшую повесть, а на гигантское произведение вроде «Анны Карениной». Характеристики героев даются обычно разговорами их и описанием их душевных переживаний. Эти характеристики освещают обычно лишь те стороны героев, которые непосредственно сейчас интересуют автора. Действительно, если мы спросим себя, какова Симкова в работе, а не в своих хороших чувствах и мыслях, каков Мартынов времени своих служебных действий и решения принципиальных вопросов, каков Стальмахов в своем кабинете, а не на обыске, хороший ли работник Файвишев и даже чем он сейчас занимается, каковы дома Караулов, Горных, предзавком из «Завтра» и т. д., то ответов не получим. У героев Либединского слабо ощущается их прошлое и будущее. Относительно Мартынова или Файвышева, остается неясным, как бы они держались перед более сложными и сильными соблазнами, не убей одного пуля белых, не спаси другого посылка в Германию.

Поэтому герои Либединского воспринимаются не как законченные типы, обобщения основных черт определенных групп людей, а как наброски и схемы типов.

Большим художественным недостатком Либединского является то, что у его героев несколько не хватает жизненности. Либединский не умеет подметить в людях тех черточек, которые, будучи обычному взгляду невидными, как будто незначительными, на самом деле связаны с сущностью изображаемого типа. Эти черточки (напр., любовь гоголевского «Петрушки» к чтению, разговор Чичикова со своим изображением в зеркале, разные жесты, поговорки, привычки геров Л. Толстого), заставляют нас верить в жизненность героев литературы. Может быть, это происходит потому, что эти неожиданные для нас черты героев, не вытекающие прямо из нашего понимания их, кажутся нам не выдуманными автором, подсказанными ему размышлением о герое, но замеченными в живом человеке, подсмотренными в нем. Конечно, хорошо, когда герои художественного произведения действуют не случайно, а так, что все их действия вытекают из их внутренней сущности. Но нужно, чтобы читатель не мог сам догадаться о необходимости некоторых их действий, чтоб связь этих действий с целым казалась ему сперва неожиданной, до которой он сам бы не додумался.

Этого нет в героях Либединского: все их черты представляются читателю слишком легко связанными с их основным характером, как бы иллюстрацией к схеме их характера. Слабовато даны у Либединского и те случайные, необязательные черточки характера героев, которые их индивидуализируют и оживляют. Попытки к зарисовке таких черт есть у Либединского (ваза на столе Стальмахова; Тоня Марти, крестящаяся перед самоубийством), но они не разработаны.

Фабула произведения Либединского очень проста. Это, обычно, естественно развивающийся эпизод нашей действительности, обычно широкого общественного значения (белогвардейско-кулацкое восстание, возникновение и развитие окрвоенполиткурсов).

В «Завтра», вопреки утверждениям критики, фабула тоже есть. Она сильно расщеплена, но у Либединского герои и группы героев связаны всегда общностью участия в событии массового характера, а не сложной взаимозависимостью их судеб. Фабулы «Завтра»: изменения в судьбе группы героев всех связанных через промежуточные звенья друг с другом, под влиянием известий о революции в Берлине.

Свою простую фабулу Либединский просто развертывает в сюжет: последовательно описывает он события, хронологически идущие одно за другим или одновременно происходящие с разными героями. Нет ни сложной интриги, ни тайн, заинтересовывающих читателя и лишь позднее раскрываемых, ни эффектных ситуаций и развязок. Это

простота унаследования тургеневской и толстовской линии русского романа и новеллы не недостаток. Но недостатком является у Либединского обилие ненужных для развития сюжета, посторонних основной фабуле, лиц и эпизодов.

От этого затягивается повествование, рассеивается внимание читателя. Зачем в «Неделю» вплетен эпизод с бывшим учителем гимназии, или в «Завтра» покаявшаяся эс-эрка? От этого так растянута «Неделя», говорящая о быстро развернувшихся событиях, и говорящее о молниеносном изменении настроений «Завтра».

Этот классический медленный темп повествования не соответствует рассказу о боевых моментах революции. Пестрота и многочисленность героев заставляют их легко забывать. Правда, некоторые «боковые» для фабулы герои Либединского удались ему не меньше главных. Таковы, напр., коммунизирующаяся идеалистка - учительница в «Неделе»; Громов, авантюрист, хищник и хороший военный работник из солдат, любовник Ванды в «Завтра», даже бегло очерченные военспецы Селецкий и бывший учитель в той же «Неделе». Но их можно было с успехом приберечь для других произведений, а не загромождать ими и так перегруженных повестей.

Все главные герои Либединского говорят слабо дифференцированным языком, колеблющимся между современным языком газетно-литературным и полулитературным жаргоном политически развитых, но литературно и грамматически необразованных передовых рабочих.

Стиль же самого Либединского в повествовательных местах, в довольно частых описаниях пейзажа, душевных переживаниях, в авторских отступлениях отличается простотою и односторонностью состава, выдержанного в плоскости литературно-газетного языка. Синтаксис описательно-повествовательных мест в «Неделе» напоминает язык русской классической прозы (плавные длинные периоды, с обилием придаточных предложений, с употреблением нескольких определений к одному слову). Это очень идет к описанию тихой природы и обывательского быта провинциального города. Этот синтаксис был бы хорошо оттенен динамическим языком коммунистов, но, к сожалению, и последние у Либединского, порою даже ожидая смерти в подвале захваченной белыми ЧК, говорят длинными репликами и фразами. Во всяком случае неоспоримое достоинство языка Либединского — его понятность и четкость.

Есть у Либединского наклонность говорить несколько торжественным языком, ораторскою речью— о партийных делах. Иногда это несколько комично звучит, напр. когда о выборе в председатели обычного коммунистического собрания обычного же для этой роли товарища говорится так: «бросают фамилии; и вот волей сотен протянутых рук тов. Климин, человек в солдатской шинели... со средины арены возглашает: товарищи, об'являю собрание гор. района РКП открытым»... Но иногда этот прием передает большую величественную сущность совершающегося, как оно ни кажется нам привычным и обыкновенным. «Завтра в газете статья передовая каждому будет кричать об опасности голода, о необходимости действия!

«Завтра на митингах и собраниях военкомы и агитаторы расскажут внимательным красноармейцам о том, что если хотят они видеть поля засеянными, нужно пойти рубить дрова!» и т. д. Совсем неудачны в «Неделе» попытки обновить речь инверсией, т.-е. перестановкой обычного порядка слов (напр. «и не подать если семя к посеву, то голодать будет город и край», и «неприязнь эта боязливая весь город, незримо для людей, связала в один черный клубок»).

«Завтра» написано в совсем ином стиле: импрессионистическом с разбитыми, короткими строчками, с сжатыми предложениями без сказуемых, с своеобразно произвольной расстановкой слов, с сочетанием фраз не по принципу подчинения (придаточных к главному и к другим придаточным), а свободного сочинения и вставки вводимых предложений в периодах, с попыткой аллитераций и ритмизации.

Эта манера не везде удалась Либединскому. Но в общем, вопреки мнению ряда критиков, язык «Завтра» выразителен, гибок, меток, передает динамику событий. Вполне удачны некоторые места: «Зеленые, точно подводные, лица кутил на рассвете» «в черном блеске, в застывшем взлете крыльев авто прошедшая ночь. В меди рожка жидкое утреннее солнце. Трава свеже-крашеной крышей легла округ». Стиль «Комиссаров» — возвращение к «Неделе», но язык стал лаконичнее и суше, зато живее.

Итак, Либединский пока еще не является таким пролетарским писателем, который бы мог по силе художественного дарования, по смелости и глубине мысли, по мастерству в своем деле, стать в ряд с классическими русскими писателями. Такой писатель еще не явился, и явится он, вероятно, из рядов нового поколения рабочей интеллигенции. Но Либединский уже сейчас создал произведения большого общественного значения. Они дают возможность через художественные образы понять и почувствовать внутреннюю жизнь нашей партии и массам, живущим под ее руководством, и иностранным читателям. Произведения Либединского оживляют, обобщают и дополняют впечатления самих коммунистов от жизни и работы партийной среды. Эти произведения являются для будущих поколений превосходной иллюстрацией в документальной и научной истории великих событий нашей эпохи. Этим Либединский не только вписал свое имя в историю русской литературы и мировой литературы пролетариата, но и—что еще важней— в историю великой революции, как один из ее активнейших работников на самом бедном пока силами литературном фронте.

Молодость же Либединского позволяет надеяться на еще более широкое развитие его работы и таланта.

Георгий Горбачев.

А. В. Луначарский. „Судьбы русской литературы". 54 стр. Российский Институт Истории Искусств. Изд. „Academia". Ленинград, 1925 г. Ц. 50 к.

Рецензируемую брошюру т. Луначарского едва ли можно признать вполне марксистской. Вначале ее автор верно указывает на причины „учительского характера русской литературы", которые коренятся в том, что общественная мысль, не находившая кислорода в атмосфере самодержавия, принуждена была уходить в литературу; но отдельные характеристики того или иного периода русской литературы крайне сомнительны и спорны. Слишком много Луначарский об'ясняет индивидуальными свойствами того или иного автора, уделяя довольно незначительное место факторам общественного порядка. Так, например, т. Луначарский об'ясняет жизнерадостность пушкинской поэзии... славяно-африканским происхождением Пушкина. Луначарский не указал, какие общественные группировки вызвали и определили этот оптимизм. Выводов, аналогичных приведенному по своей бездоказательности, у Луначарского не мало. Чего стоит, например, такое утверждение: „талантливые рождаются в каждом столетии приблизительно в одинаковом количестве".

В области современной литературы тоже далеко не все благополучно. Автор „Судеб..." пишет: „Мы можем назвать много хороших имен, каждое из которых приведет много хороших образов Они все еще молоды, все эти Лебединские, Бабели, Сейфуллины, все начинают, но все они чрезвычайно здоровые"...

Все ли названные имена очень здоровы, как утверждает Луначарский? Позволим себе усомниться. Прямо-таки поразительна та беззаботность, с которой Луначарский соединил в лагерь „чрезвычайно здоровых" и представителей отмирающей интеллигенции (Бабель) и представителей поднимающегося пролетариата (Лебединский).

Комично звучит следующее „устрашающее" заявление: „Мы не можем скрывать, что часть наших новых литераторов все еще заражена чудовищными положениями формалистов или футуристическим штукатурством. Этого не нужно, это они должны сбросить с себя"... Подлинная марксистская критика ничего „чудовищного" в положениях формализма не находит. Наоборот — сырой, черновой статистический материал формалистов эта критика признала нужным и целесообразным использовать в своих трудах.

Теперь об отношении Луначарского к футуризму. Мы уже слышали, как он заявил, что литература заражена „футуристическим штукатурством". Далее, он с полным сознанием своей правоты сообщает: „С самого начала революции я говорил — бросьте футуристов... У нас есть гораздо более близкие учителя — это народники, классики во всех областях искусства"... То же—в корне неверное—отношение к вещам. Конечно, никто из писателей не отказывается от наследия классиков. Наоборот, к нему относятся бережнее и любовнее, чем когда-нибудь—на нем учатся. Но значит ли это, что писатели должны выкинуть за борт, перестать учиться и на современной литературе, в частности на футуризме? Нет, не значит. Кто скажет, чем были бы без Маяковского пролетарские поэты, как, напр., Безыменский, Жаров и др.? Чьи ритмы и интонации динамичнее, современнее, ближе нам: Кольцова и Некрасова или Маяковского, Асеева, Третьякова? Несомненно, последних, и поэтому писатели, а в особенности молодые пролетарские поэты, будут учиться не только у классиков и народников, но и у футуристов, которые обогатили русскую поэзию новыми и современными ритмами, интонациями, словарем, образами. Отрицая футуризм огулом, мы только замедляем появление того синтеза в области формы, к которому идет вся современная русская литература и особенно пролетарская.

Наконец, прогноз Луначарского тоже не выдерживает критики. По его мнению, непременно должен появиться писатель, гениальность которого не уступит пушкинской. Перспектива очень отрадная, но, к сожалению, не мотивированная в достаточной степени. По Луначарскому, этот гений появится потому, что он нужен — и никаких гвоздей. Крайне не убедительно. Луначарский даже не отвечает на очень важный вопрос: из какой же среды, из какого класса появится сей новый Пушкин; может, и „из них" (т.-е. Лебединских, Бабелей), а, может, это будет „кто-нибудь извне". Откуда „извне", из какого безвоздушного пространства — это остается личной тайной Луначарского. По крайней мере, он ограничивается этим загадочным и тоже не совсем марксистским по своей чрезвычайной туманности и неопределенности намеком.

Вообще, брошюра Луначарского требует крайне осторожного и критического отношения к себе, ибо ее основной недостаток — эклектизм — дает себя чувствовать очень часто.

Борис Соловьев.

А. К. Цветков-Просвещенский. „В изгнании". Изд. „Земля и фабрика". Москва-Ленинград. 1925 г. Стр. 122. Ц. 35 к.

Серая по внешности книжечка не менее сера и по содержанию. Подобного рода мемуары иногда, в былые годы, писались отдельными товарищами для того, чтобы развлечься в томительно-тягостных условиях сидения в тюремной одиночке или в ссылке. Но те мемуары писались для себя, не предназначались для печати и имели ценность далеко не общезначимую.

Совершенно непонятно, для чего понадобилось издательству „Земля и фабрика", обычно издающему довольно занимательную беллетристику, выпускать эту скучную, как тайга, и бесплодную, как тундра, летопись ссылки. Она лишь в очень слабой степени дает картину жизни политических ссыльных в Восточной Сибири в период войны и вплоть до Февральской революции.

ГК.

В. Смушков. „Экономическая политика СССР“. Изд. „Пролетарий“, Стр. 395.

Вопросы экономической политики все более приковывают к себе внимание советской общественности. И это неудивительно. От умения строить хозяйство, от искусства его восстановления зависят сейчас судьбы нашего социалистического государства. Поэтому в центре всех партийных и советских собраний стоят именно вопросы экономической политики. Понять все эти вопросы возможно только при условии хорошего знакомства со всей советской политикой в области хозяйственного строительства.

Последнюю задачу и пробует решать книга Вадима Смушкова.

В основу этой книги положена работа того же автора, вышедшая еще в 1923 г. в Москве в издательстве „Красная Новь“ под заглавием „Экономическая политика РСФСР“. Но рекомендуемая настоящая книга переработана столь коренным образом и так расширена, что связь между новой и старой книгой порвана к выгоде первой.

Во-первых, каждая глава охватывает предмет всесторонне, с использованием большого количества источников как государственного, так и партийного характера; во-вторых, популярность и доступность изложения делают эту книгу ценным пособием не только для Вуз'ов, но и для вдумчивого и серьезного рядового читателя (середняка). Большое значение для читателя имеют те краткие конспекты и списки литературы, которыми автор снабдил каждую главу своей книги: при помощи этих ценных добавлений можно разобранные в книге вопросы самостоятельно проработать и углубить.

Недостатком книги является сравнительная устарелость некоторых материалов. Так, по многим вопросам приведены данные только до начала 1924 г. При всем том книга дает вполне ясное и четкое представление об основных линиях развития нашей экономполитики в эпоху „военного коммунизма“ и в современный период НЭП'а. При быстром темпе развития хозяйственной жизни республики автору никогда не угнаться за первой свежестью материалов, и читателю приходится дополнять почерпнутые из книги знания чтением периодической печати—экономических газет и журналов.

Как достоинство книги, следует отметить разбивку материалов по отдельным отраслям хозяйства не в пример вышедшего недавно труда Сарабьянова „Экономика и экономическая политика СССР“, где материалы расположены хронологически, погодно, что значительно облегчает усвоение прочитанного.

Вся книга разбита на 10 глав. Из них 6 (от 4 до 9 включительно) посвящены разбору экономполитики Советской власти в области продовольственной, промышленности, сельского хозяйства, финансов, торговли и труда. Первые 3 главы являются как бы вводными и раз'ясняют сущность старой и новой экономполитики; последняя же, заключительная, глава подытоживает результаты НЭП'а за 3 года.

В конце книги имеются следующие приложения: 1) положение о Высшем Совете Народного Хозяйства СССР, 2) список предприятий, имеющих общесоюзное значение, 3) текст декрета о трестах и 4) резолюцию XIII партконференции об очередных задачах экономической политики.

Ответственный редактор: **Мих. Коваленко.**

Адрес редакции: Ленинград, проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 116. Тираж 21.180—4 л. Зак. 1472. Тип. Раб. Изд „Прибой“ им. Евг. Соколовой. Пр. Кр. Команд., 29.

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09